

Игорь
Малышев

ТЕАТРАЛЬНАЯ СКАЗКА

«Как удастся Игорю Малышеву сохранять
в памяти эту хрустальную ноту детства?
Какой нужно иметь поразительный слух?
А ведь он ее не только хранит,
он ее обезоруживающе воспроизводит —
читаешь, и книга светится».

Павел Крусанов

Русский Декамерон

Игорь Малышев

Театральная сказка

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Малышев И. А.

Театральная сказка / И. А. Малышев — «Эксмо»,
2021 — (Русский Декамерон)

ISBN 978-5-04-117569-6

Игорь Малышев запомнился многим маленьким романом, «Лис» – очаровательной прозой, впитавшей в себя влияние Маркеса и Гоголя, читающейся, с одной стороны, как сказка о маленьком лесном бесе, а с другой – как реальная история. Новый роман Малышева тоже балансирует на грани между городской сказкой и былью: в центре повествования судьбы двух подростков – Мыша и Ветки, оказавшихся актёрами таинственного театра на Раушской набережной Москвы-реки. В этом театре пересекаются пространства и времена, реальность столичных улиц перетекает во вселенную вымысла, памятники людским порокам, установленные на Болотной площади, встречаются с легендами Древней Греции. Вы встретите здесь Диониса, окружённого толпой вакханок и фавнов, ледяных ныряльщиков, плавающих лёд своими телами, и удивительного Гнома, который когда-то был человеком, но пожертвовал жизнью ради любимой... Эта история напомнит вам «Фавна» Гильермо дель Торо, «Воображаемого друга» Стивена Чобски и, конечно же, «Ромео и Джульетту» Шекспира. Потому что история, в которой нет любви, – не история.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-117569-6

© Малышев И. А., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог 1	7
Пролог 2	8
Первая встреча	10
Знакомство с театром	14
Ветка	18
Театральные будни	21
Сундук с ключами и закрытые двери	24
Репетиции	27
Премьера	29
За сценой	33
За сценой. Роща Диониса	37
Крыша и мечты о самоваре	42
За сценой. Сгоревшее село	44
«Дети – жертвы пороков взрослых»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Игорь Александрович Малышев

Театральная сказка

© Малышев И., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

© Iaroslava Daragan, RITUPARNO MAITY, Anastasiya Oleynik, ArtMari,
LHF Graphics / Shutterstock.com

С благодарностью Юлии Селивановой, Павлу Крусанову, Елене Шубиной, Анне Золотарёвой, Нино Рота, Илье Мазо, группе «Полифония», «Muse», «Moby».

Пролог 1

Нашу историю мы, пожалуй, начнём с упоминания того факта, что весной 20... года в самом центре Москвы, в Репинском сквере, стали проходить одиночные пикеты. Пикетчики старались держаться друг от друга подальше, чтобы правоохранительные органы не заподозрили их в проведении массового мероприятия и никаких претензий к ним у полиции не возникало. Люди самых разных возрастов, политических взглядов, финансовой обеспеченности и культурного уровня держали в руках плакаты, призывающие полицию и спецслужбы немедленно найти и самым суровым образом покарать вандалов, нанёсших повреждения одной из статуй скульптурной группы, носящей название «Дети – жертвы пороков взрослых».

Если кто-то не видел этого памятника, хотя назвать это произведение искусства памятником можно весьма условно, я попробую описать его. Он представляет собой довольно большие, метров двух-трёх в высоту, чёрные фигуры тринадцати пороков (наркомания, проституция, воровство, алкоголизм, невежество, лжеучённость, равнодушие, пропаганда насилия, садизм, беспамятство, эксплуатация детского труда, нищета, война). Перед пороками (или правильнее будет назвать их демонами?) стоят двое отлитых из золотистого металла детей с завязанными глазами.

Причиной появления пикетов стало то, что накануне двое неизвестных попытались среди ночи отпилить аккумуляторными болгарками голову центральной фигуре скульптурной композиции – самой высокой и единственной, стоящей на возвышении, – равнодушию. По задумке скульптора Михаила Шемякина этот порок является отцом и матерью всех остальных пороков, поскольку они существуют исключительно благодаря ему.

Злоумышленники не успели закончить своё варварское дело, их спугнула охрана. Порок сохранил голову на плечах, а неизвестные, перемахнув через ограду сквера, скрылись в путанице строек, которыми всегда богата наша столица.

И вот теперь пикетчики стояли, кто дальше, а кто ближе к скульптурам, и держали в руках листки с надписями «Нет вандализму!», «Найти и наказать варваров!», «Не позволим резать по живому!», «Защитим московские памятники!» и так далее и тому подобное.

Подъехала команда Общественного Московского Телевидения. Достали камеры, подключили микрофоны.

– Скажите, почему вы пришли сюда? – спросила девушка-корреспондент с покрасневшим от мороза носиком.

– Потому что мы неравнодушные люди, – ответил мужчина с седой бородкой-эспаньолкой. – Мы пришли защитить Москву от отморожков, которым безразлична культура. Я не знаю, что им не нравится конкретно – этот памятник или, может, они питают персональную ненависть к Шемякину, но в любом случае это очень опасный симптом. Если подобные вещи не пресекать, мы скатимся в полную дикость...

– Так мы до состояния пещерных людей дойдём! – поддержала его широколицая краснотелая женщина. – Безобразие! Мы требуем от полиции защитить нашу столицу от дикарей.

– И ещё, – добавил мужчина с эспаньолкой, указывая пальцем в камеру. – Мы собираемся дежурить здесь круглосуточно, и никаких актов вандализма здесь больше не произойдёт, это мы гарантируем. А что касается преступников... Они будут наказаны в самое ближайшее время, и я знаю это совершенно точно. Больше мне нечего вам сказать.

Пролог 2

– Идея!

– Хвастайся.

Ветка – темноволосая, подвижная одиннадцатилетняя девочка, похожая на зверька, вроде горноста или ласки, хлопнула в ладоши и горячо зашептала:

– Почему мы до сих пор не попытались открыть...

– Дверь, которая ведёт на сцену! – перебил её Мыш, худощавый подросток с длинной чёлкой, ровесник Ветки.

– Именно! – сверкнула глазами девочка. – Служебную.

Мыш спрыгнул с подоконника и отправился в комнату, где стоял сундук, заполненный ключами самых разных форм и размеров.

Вдвоём они загрузили четыре тяжёлые сумки, спотыкаясь, принесли их к закрытой двери, ведущей за кулисы.

Главный вход в зрительный зал Альберт, режиссёр, после каждого спектакля аккуратно закрывал изнутри доской, вставляя её во вбитые в косяки скобы. Единственной дверью туда, которая открывалась снаружи, была вот эта, что вела на сцену. Небольшая, но мощная, крепко сбита, со вспузырившейся многослойной краской, она монолитом отделяла коридор от сцены и тёмного зала.

Один за другим Мыш принялся перебирать ключи, пробуя провернуть их в широком сквозном отверстии древнего сувальдного¹ замка. Мальчик хмурился и вздыхал, стоя коленками на жёстком вытертом паркете.

Влево от двери уходил коридор, на стенах которого висели портреты актёров – детей и взрослых, игравших когда-то в Театре Юного Зрителя. Одни портреты были большими, словно оконные рамы, другие чуть крупнее почтовой открытки. Справа от Мыша располагалась стена, заклеенная вырезками из театральных газет, за его спиной уходили вверх и в полумрак десятков ступеней, укрытых полысевшей ковровой дорожкой.

В коридоре под потолком, то разгораясь, то ослабевая, светили лампочки. Электричество в театре вело себя непредсказуемо. Лампочки то и дело вспыхивали, заливая пространство ярким, почти обжигающим глаза светом, но по большей части трудились вполнакала. Ветка сидела рядом с Мышом и сонно следила за его манипуляциями.

– Боюсь, это надолго, – сказала она, зевая.

Девочка принесла из гримёрки грудку реквизитной одежды, улеглась.

– Жёстко на голом полу сидеть, – пояснила она.

Мыш положил под коленки ветхий зипун² и вернулся к замочной скважине. Глухо и глубоко, словно бы из-под воды, донеслись три удара из часовой комнаты.

– Три часа ночи, – вздохнув, сказал Мыш. – Разгар «собачьей вахты».

Рядом сопела и видела первый сон Ветка. Пальцы её чуть вздрагивали, глаза двигались под веками. Мыш укрыл её шкурой непонятого зверя.

Из широкой щели под дверью потянуло сыростью, какая бывает в лесу после дождя или возле большой воды.

Мыш принюхался, повернулся к Ветке, намереваясь спросить, чувствует ли она запах, но не решился будить её.

¹ Сувальдный замок – замок, секретная часть которого представляет собой набор пластин (сувальд) с фигурными вырезами, которые при открытии замка подталкиваются выступами на бородке ключа.

² Зипун (полукафтан) – верхняя одежда у крестьян. Представляет собой кафтан без воротника, изготовленный из грубого самодельного сукна ярких цветов со швами, отделанными контрастными шнурами.

Он приблизил лицо к похожему на птицу отверстию замка и всмотрелся в темноту.

Лучше всего можно подготовить глаза к темноте, если закрыть их. Он зажмурился, сосредоточился на слухе.

Было так тихо, что он слышал, как звенят вольфрамовые нити в лампочках.

С той стороны двери послышался едва различимый шорох. Потом ещё один, донельзя тихий, словно две божьих коровки соприкоснулись лапками.

Мышь перестал дышать и приложил ухо к замку. Тишина. И вдруг, что-то тонко и ощутимо дотронулось до него. Он едва не вскрикнул и отпрянул. Из замочной скважины торчала белая травинка. Или, быть может, нитка, толстый волос? Послышался приглушённый рык, а потом ворчание крупного зверя. Совсем рядом, прямо за дверью. Мышь внезапно понял, что это не травинка, не нитка и не волосок, а ус какого-то крупного хищника – тигра, льва, рыси...

Мальчик оторопел. В жизни он успел повидать всякое, но ничего более пугающего с ним ещё не происходило.

– Рысь? – подумал он. – Что за бред? Откуда ей взяться? Может, из зоопарка сбежала? Но тогда как она попала в запертый зрительный зал?

В широкую щель меж полом и дверью с трудом протиснулся край огромной кошачьей лапы, серо-рыжей, с чёрными пятнами и мощными, как крючья, жёлто-янтарными когтями.

Мышь схватил непослушной рукой плечо спящей девочки.

Та подняла голову и, разлепив глаза, успела увидеть, как звериная лапа, скрежетнув когтями по паркету, исчезла под дверью.

На истёртых планках паркета белели царапины. Изнутри зала раздалось глухое рычание, и всё стихло.

Мышь осторожно взял с пола щепку, вывернутую когтями неведомого гостя, и непонимающе посмотрел на Ветку.

Первая встреча

Альберт шёл за ним уже полчаса. Он всё понял о нём, едва лишь увидел в толпе у Курского вокзала. Теперь просто хотел убедиться.

Остекленевший взгляд. Движения, как у сломанной куклы. Одежда хорошая, брендовая, но мятая и потасканная. На лице грязные разводы, под ногтями чёрные полумесяцы.

Мальчик, прихрамывая, шагал сквозь толпу. И хромал он не потому, что у него что-то болело. Скорее потому, что в жизни его случилось нечто такое, что перемололо его, а потом собрало заново. Но при сборке какие-то детали были то ли не туда поставлены, то ли безнадежно утеряны, и оттого вся анатомия мальчика больше походила на небрежно сколоченную конструкцию, плохо приспособленную и для ходьбы, и для жизни вообще.

Люди задевали его, врезались, на ходу извинялись и бежали дальше. А он шёл с глазами пустыми, похожими на пробки от хрустальных графинов. И, странное дело, люди не спешили занять тот коридор в толпе, который оставался после него. Будто боялись испачкаться или прикоснуться к чему-то чужеродному.

Мальчик направлялся в сторону Яузы. Альберт двигался следом, то теряя, то находя его в потоке торопящихся москвичей, их сумок, рюкзаков, чемоданов на колёсиках...

И вот когда Альберт в очередной раз потерял его, а потом отыскал заново, оказалось, что мальчик пересекает Садовое кольцо.

– Чёртов ребёнок! – выругался вполголоса Альберт.

Был полдень, яркий, осенний, чуть морозный. На асфальте виднелись островки льда. Машины бежали резво, словно радуясь солнцу, морозу, своей силе и скорости.

Мальчик пересекал шоссе, раз за разом каким-то чудом успевая прошмыгнуть в зазоры между машинами. Альберт застыл на бордюре. Все качалось перед его глазами. В ушах заранее стоял звон разбитых стёкол, автомобильные гудки и крики, которые, он был уверен, сейчас последуют. Но ничего страшного не произошло. Ребёнок пересёк одну полосу, другую. Постоял на двойной сплошной и, все той же разболтанной сломанной походкой, продолжил движение в гуще металлических зверей, каждый из которых мог одним движением убить его.

Альберт зажмурился и когда снова открыл глаза, мальчик уже шагал по другой стороне Земляного Вала. Режиссёр кинулся к ближайшему подземному переходу...

Он был почти уверен, что больше не отыщет мальчика, но глупое упрямство заставляло его, грузного, краснолицего, похожего в расхлябанных ботинках и широкополом плаще на черепаху Тортиллу в исполнении Рины Зелёной, торопиться изо всех сил. Зонт с ручкой-крючком, который он держал под мышкой, цеплял прохожих.

– Осторожнее нельзя? – неслись ему вслед недовольные возгласы.

– Идите к псам, – не оборачиваясь, цедил он сквозь зубы.

Альберт бежал и высматривал мальчика.

Набережная Яузы пустовала. Рядом нёсся плотный поток машин, но тротуар вдоль реки был совершенно безлюден. Ребёнок, балансируя, стоял на тумбе над рекой и смотрел на противоположный берег, будто высматривая что-то, хотя там виднелись лишь всё те же скучные дома и вереницы блестящих машин.

Яуза несла палые листья, похожие на ладони машущих из-под воды детей.

Альберт медленно подошёл к нему. Встал за спиной. Смотреть на ребёнка было тяжело из-за бьющего в глаза солнца. Он казался со всех сторон пронзённым солнечными лучами, словно святой Себастьян – стрелами.

– Парень! – задыхаясь, хрипло позвал Альберт и приставил руку ко лбу, защищаясь от солнца.

Тот вздрогнул, покачнулся.

Для себя Альберт уже решил, что, если ребёнок бросится в реку, он последует за ним и попытается спасти, хотя и плохо представлял себе, как сможет это сделать. Человеком он был довольно сильным, но пловцом никудышным. Да и вообще всё, связанное с движением, а особенно с быстрым движением, давалось ему с трудом. На всякий случай он снял плащ, кинул на газон рядом с собой. Туда же положил зонт.

– Мальчик... Ты... Послушай... – повторил он, пытаясь успокоить колотящееся сердце. – Я твой друг. Не бойся меня, пожалуйста.

В горле у него клокотало, тембр, как он сам понимал, был не очень располагающий, но делать было нечего.

Ребёнок не поворачивался и не отзывался.

– Знаешь... Я режиссёр. У меня есть свой театр, – сказал Альберт, растягивая слова. – Давай, я расскажу тебе о нём. Ты пока там постой, а я расскажу. Да, у меня свой театр, самый настоящий. С окнами на Кремль, представляешь?...

Он говорил медленно, долго, зная, что главное – не останавливаться, и оборвал свой монолог только тогда, когда ребёнок повернулся к нему и сказал:

– Хорошо, я согласен играть в вашем театре.

Альберт кивнул, выдохнул и опустил на плащ.

Мальчик спрыгнул с тумбы.

– Отлично. Ты не пожалеешь, – заверил режиссёр, глядя на него глазами печального мопса.

Когда, отдуваясь и копошась, Альберт принялся подниматься, мальчик подал ему руку, помогая встать.

– Как тебя зовут? – спросил режиссёр, вытирая платком пот с лица.

– Мышкин.

Мальчик откинул с лица длинную русую чёлку.

– Что, вот прямо так и зовут, Мышкин?

– Ещё Мышом называют.

– Хорошая фамилия. Достоевскому бы понравилась, – пошутил Альберт.

– Я читал «Идиота».

Режиссёр рыкнул, прочищая горло, и с удивлением посмотрел на своего спутника. Тот шёл, сосредоточенно глядя перед собой, и даже походка его изменилась, стала собранней, прямее.

– Да ты вундеркинд, я смотрю. И что, он тебе понравился? «Идиот», я имею в виду.

– Трудный текст, – серьёзно ответил тот. – Но скорее да, понравился.

Альберт хотел бы услышать ещё что-нибудь, но собеседник молчал. Мальчика сложно было назвать общительным. «Какой он... Застёгнутый на все пуговицы».

Режиссёр похлопал себя по карманам, достал трубку, закурил.

– Не возражаешь? – спросил он Мыша, но скорее для проформы.

Тот качнул головой:

– Нет. У меня отец курил.

– А где ты живёшь, если не секрет? – спросил Альберт, делая короткие тяги и раскуривая трубку.

– Неважно, – ответил мальчик. – Я больше не вернусь туда, что бы ни случилось.

– Куда, к отцу? Ты сбежал из дому? – почти уважительно протянул режиссёр.

Мальчик некоторое время отмалчивался, потом медленно выговорил:

– Давайте договоримся, что это был последний личный вопрос, который вы мне задали.

– Как скажешь, – усмехаясь, согласился Альберт. – Не подумай чего... Я просто хотел узнать, будешь ли ты приходить на спектакли и репетиции из дома или же станешь жить в театре.

– А я могу жить в вашем театре?

В голосе ребёнка впервые послышалась какая-то эмоция. Это была растерянность и неверие в свалившееся счастье.

– Можешь. Правда, там нет кровати, но мы что-нибудь придумаем.

Мыш засунул руки поглубже в карманы и, не отрывая взгляда от дороги, сказал:

– Меня это устраивает.

После чего снова «застегнулся».

Альберт кивнул.

– Вон там метро, – указал он. – Поворачиваем.

– Я без денег, – коротко бросил мальчик.

– Ничего. У меня есть карта. Вот, «Тройка». Там ещё с десятков поездок.

– Нет. Не хочу быть вам обузой.

– Можешь не переживать, одна поездка на метро меня не разорит.

– До какой станции нам ехать?

– До «Площади Революции», но можно и до «Александровского сада».

– «Площадь Революции» – красивое название... – мальчик задумался, формулируя. –

Многослойное.

Альберт поглядел на ребёнка почти с гордостью: «Точно вундеркинд».

– Но всё-таки давайте пройдемся пешком, – настоял Мыш, кутаясь в шкиперское пальтецо.

«С характером», – отметил Альберт.

От Язуы они двинулись по Садовому кольцу в сторону Таганки. Альберт ничего не говорил, ему было интересно, сколько сможет молчать этот мальчик. Оказалось, что молчать мальчик может довольно долго.

– Какой спектакль будем ставить? – спросил Мыш минут через двадцать, когда они шли по Большому Краснохолмскому мосту через Москву-реку.

– «Ганц и Гретель».

– Это же сказка для малышей!

– Ну, во-первых, у нас Театр Юного Зрителя. А во-вторых, чтоб я больше этого не слышал – «сказка для малышей»... Это спектакль для всех возрастов. Его одинаково интересно смотреть и взрослым, и детям. Что б ты знал, дело вообще не в том, какую пьесу ты играешь – взрослую, детскую, а в том, как ты играешь. В искусстве, в любом, «как» всегда важнее «что».

Он помолчал, изучая пуговицы на своём размахистом одеянии, и добавил:

– Хотя, если разобраться, дело даже и не в этом. Тебе предстоит многое узнать. Что-то я смогу объяснить, а в чём-то тебе придётся разобраться самому, без моей помощи...

На Якиманке Альберт почувствовал, как ноют его не привыкшие к длинным прогулкам ноги.

– Может, всё-таки на метро? – снова предложил он, но увидев упрямство в глазах мальчика, не стал настаивать.

В районе Болотной набережной он решительно заявил:

– Всё. Антракт. Давай присядем, иначе я без ног останусь.

Слева от них лежал Репинский сквер.

– Да пошло оно всё к псам...

Режиссёр, не церемонясь, переступил через крошечную оградку и прямо по газону пошёл к ближайшей лавке.

– Оххх... – с наслаждением вытянул он короткие ноги и откинулся на спинку.

Искоса взглянув на мальчика, достал обтянутую кожей фляжку и, не спрашивая на этот раз позволения, сделал глоток.

Сквозь редющую жёлтую листву кустов и деревьев виднелись тёмные скульптуры.

– Это памятник. Называется «Дети – жертвы пороков взрослых», – пояснил Альберт, заметив, что мальчик пристально смотрит в ту сторону. – Фигуры пороков – «Наркомания», «Воровство», «Садизм», «Проституция», другие... Всего тринадцать штук. Я слышал, – в голосе его послышалось сомнение, – некоторые приходят туда молиться тому пороку, которому служат. Воры, проститутки, нищие... Представляешь? И это не единственное такое место в Москве. Я недавно был на Ваганьковском кладбище и занесло меня к могиле, хотя правильнее сказать, к кенотафу – ложной могиле, Соньки Золотой Ручки. Так там весь памятник исписан! «Соня, научи, как жить», «Соня, научи воровать»... Невероятно. Я глазам своим не поверил... Сколько идиотов на свете.

– Никогда там не был, – оборвал его Мыш.

– Ты вообще москвич? – осторожно спросил режиссёр, сгибая и разгибая гудящие ноги.

– Москвич, – коротко ответил ребёнок. – Но я просил не задавать личных вопросов.

– Ладно, ладно. Как скажешь, – охотно согласился Альберт. – Ну что, пойдём? Тут недалеко осталось.

Знакомство с театром

Они остановились перед небольшой, очень старой дверью дома на Раушской набережной. Невдалеке виднелся похожий на стоящего на четырёх мощных лапах ящера Большой Московский мост. За ним вставал Кремль со звёздами на башнях, вишнёво отсвечивающими в лучах солнца.

Донёлся звон – били куранты.

Альберт сунул руку в карман бежевого, запачканного землёй и травой плаща, достал большой кованый ключ с резной бородкой и хитрой узорчатой ручкой. Вставил в замок и, хмурясь, стал пытаться открыть дверь.

– Вечно тут проблемы, – пробурчал он.

Прямо над головой режиссёра на прочной цепи висел фонарь, выкованный, как и ключ, мощно и узорчато.

Справа от входа висел старинный почтовый ящик с двуглавым орлом, рядом виднелось полукруглое, наглухо закрытое фанерой окошко.

– Касса, – пояснил Альберт. – Я тут продаю билеты.

По другую сторону от двери Мыш увидел застеклённую изрядно выгоревшую афишу: «Ганц и Гретель. Спектакль, переживший века. Для взрослых и детей. Сегодня и всегда». В кармане с датой и временем виднелась бумажка с надписью «Спектакли временно отменяются».

Поверх афиши висело объявление. «Требуется актёры. Мальчик и девочка 10–12 лет. Стучите в дверь. Громко».

– Мальчика надо будет вычеркнуть, – заметил Альберт.

– А если я вам не подойду? – хмуро спросил Мыш. – Такое ведь может быть?

– Тогда я тебе оторву голову и выброшу в Москву-реку. Шутка. Должен подойти.

Замок наконец поддался, и тяжёлая дверь на удивление легко и бесшумно распахнулась. За ней обнаружился небольшой, но довольно уютный вестибюль с каменными колоннами. Стены вестибюля украшали фотографии и старые афиши в рамах.

– Так, смотри, это вход в зал, – режиссёр указал на широкие, покрытые резьбой двери. – Обычно он будет закрыт. Я открываю его только перед спектаклями.

Они повернули направо.

– Там у нас гардероб, там лестница на балкон, – Альберт по-хозяйски уверенно кивнул в разные стороны. – Зал у нас маленький, всего на сто мест, но очень классный. Я потом покажу его. Тебе понравится, будь уверен.

Они прошли коридорами, на стенах которых висели портреты, афиши, маски: и совершенно жуткие, шаманские, и вполне симпатичные, с венецианских карнавалов и маскарадов времён Екатерины Второй.

– За этой стеной зрительный зал, – Альберт мимоходом тронул стену слева от себя. – Эта дверь ведёт на сцену, за кулисы. «Служебная», как я её называю. Она только для актёров. Обычно тоже закрыта. Я открываю её перед репетициями, ну и спектаклями, само собой.

По стенам к выключателям и по потолку к лампам тянулись перевитые провода, насаженные на фарфоровые шишечки. Выглядело всё таким старым, словно сделано было как минимум лет сто назад.

– Скажите, а кто эти люди? – указал Мыш на портреты.

– Работники театра, режиссёры, актёры...

– А я тоже тут буду висеть? – поинтересовался Мыш. – Если подойду, конечно.

– Ты подойдёшь.

От служебного входа они повернули направо, поднялись на полтора десятка ступеней и зашагали по новым коридорам. Повернули раз, потом другой.

– Здесь можно заблудиться, – коротко отметил мальчик.

– Ничего, привыкнешь. На первых порах можешь носить в кармане хлебные крошки.

По дороге им встретилось множество крепко и, похоже, давно запертых дверей самых удивительных форм и размеров.

Одни были настолько маленькие, что войти туда могла разве что кошка. Попадались большие, под потолок, а он тут был немаленький, метра три или четыре в высоту. Были двери, крест-накрест заколоченные, с замочной скважиной, забитой деревянным штырём. Имелись кривые, с косяками, наклонёнными под изрядным углом к полу.

– Ты прав, театр очень сложно устроен, – пояснял на ходу Альберт. – Даже я не уверен, вполне ли знаю его. А я, заметь, всю жизнь тут провёл. Дело в том, что в течение многих веков к нашему зданию пристраивались другие дома. Их покупали владельцы театра, пробивали в стенах новые двери, строили новые стены и перегородки, и это невероятно запутало план здания. Тут есть бывшие лабазы, конюшни и даже тюрьма, тоже бывшая, конечно. Есть подвалы – совершенно великолепные, выходы на крышу...

– А это наша часовая... – Альберт ввёл его в небольшую, но очень высокую комнату. – Здесь ты и будешь жить.

Вид комнаты был настолько необычен, что заслуживает отдельного описания.

Три из четырёх стен до самого потолка, а он находился метрах в семи над полом, были заняты книжными полками. В одной из стен, правой, если смотреть от входа, почти под самым потолком виднелось обрамлённое книжными полками широкое окно, сквозь которое проникало достаточно света, чтобы можно было не зажигать электричества. Справа, возле самого входа, стояло пианино с истёртыми углами и потрескавшимся лаком.

– Зато звук у него почти идеальный, – с гордостью произнёс Альберт. – Вот, послушай.

Он открыл крышку, легко пробежался по клавишам.

– Мм, каково? Как раз вчера настройщик приходил. Долго восторгался. Прекрасная работа, – добавил он, и Мыш не понял, относится это к настройщику или же к инструменту.

Сразу за пианино стоял на мощных львиных лапах столик-бюро, со множеством выдвижных ящичков и надстроечек.

– Знающие люди говорят, век семнадцатый-восемнадцатый.

За столиком возвышалась доходящая чуть не до самого окна античная мраморная статуя. Голову бога (а это, судя по всему, был бог) украшал венок из виноградных листьев, плечи укрывала шкура с когтистыми лапами, в руках он держал чашу и тучную гроздь винограда.

– Вот, Мыш, смотри. Это Дионис, наш покровитель. Бог театра, а также... – он сделал многозначительную паузу и продолжил: – Вина и безумия. Да...

Мальчик взгляделся в красивое тонкое лицо статуи. Казалось, по нему пробегают искры, точно по снегу в солнечный день.

Стену против входа занавешивала ткань, падающая с потолка на пол тяжёлыми плавными волнами.

– Знаешь, что это? – спросил Альберт.

– Гардина?

Режиссёр засмеялся.

– Ха-ха, гардина. Ну, в каком-то смысле, да. Многослойная ткань, шёлк, шерсть... Но дело не в ткани. Перед тобой первый занавес МХАТа. Самый первый. Его заказал в ткацких мастерских Ключникова сам Немирович-Данченко! Настоящее сокровище. Прикоснись к истории театра.

Мальчик тронул ткань.

Позади них раздался мелодичный металлический перезвон. Это случилось так неожиданно, что Мыш вздрогнул.

– Часы, – пояснил режиссёр, будто в этом имелась какая-то нужда.

Часы были напольные, огромные, ростом с два Мыша и полтора Альберта, с качающимся грузно, словно с волны на волну, латунным маятником.

Тёмное дерево сливалось с застоявшейся в углу тенью, оставляя видимыми только циферблат и маятник.

– Из-за них эту комнату называют «часовой», – сказал режиссёр.

– А где я буду спать? – спросил мальчик.

– Ах да, точно. Чуть было не забыл, – спохватился Альберт.

Он подошёл к занавесу и приподнял его, приглашая мальчика.

С этой стороны ткани не было ничего нового – всё те же полки с книгами. Но ещё тут находилось окно – полукруглое, с обширным, по причине невероятной толщины здешних стен, подоконником, на котором лежал свёрнутый роликом матрас, лоскутное одеяло и пара цветастых подушек.

– Я буду спать на подоконнике? – изумлённо спросил мальчик.

– А что, разве плохо? – с торжеством спросил Альберт. – Места, надеюсь, хватит?

– Да тут пятерых таких, как я, уложить можно, – улыбнувшись первый раз за время их знакомства, сказал мальчик.

Мыш забрался на подоконник, посмотрел на улицу. Вдали сияли на солнце рубины кремлёвских звёзд, прямо под окном двигалась пёстрая лента автомобильного потока и текли воды Москвы-реки.

Внизу виднелся висящий на консоли над входом фонарь, и ветер слегка раскачивал его. Доносился еле слышный скрип.

– Что, нравится? – спросил Альберт.

– Конечно! – ответил Мыш, сдерживая восторг.

Он слез с подоконника, немного стесняясь, обернулся мхатовским занавесом и крутанулся вместе с ним.

– Это же сказка, – тихо сказал, – мечта.

Вытащил из кармана блокнот, сунул под подушку.

– Мне иногда снятся стихи, – пояснил он, заметив вопросительный взгляд Альберта. – Надо иметь под рукой бумагу и ручку, чтобы успеть записать. Они быстро забываются.

– Пиши, пиши... – пожал плечами Альберт.

Если у вас нету кошки

(стихотворение, записанное Мышом во время первой ночи в театре)

Жалко, что нет кошки,
А то бы легла у руки,
Нюхала пальцы,
Мурлыкала, будто стихи
Читала. Или гадала,
Читая линии руки.
Интересно, любят ли кошки
Стихи?
Жалко, что нет кошки,
Уткнулась бы носом в плечо.
Так хорошо бы стало,
Так горячо.

Чёрным ли носом, розовым,
Всё равно.
Тепло и от чёрного носа,
И от ро-зо-во-го.

Ветка

Мыш проснулся среди ночи от назойливого ритмичного шума. Тихого, скорее даже не слышимого, а вибрацией передающегося через стены.

Он открыл глаза, сел, посмотрел в окно. Через свет фонаря пунктиром летел мелкий дождь. От перекрестья рамы на мхатовский занавес ложилась косая тень. Рябила вода Москвы-реки, словно осыпанная рыбьей чешуёй. Судя по отсутствию звуков машин, то была самая глухая пора ночи.

Мыш зевнул, недоумевая, почему проснулся, и тут звук-вибрация донёсся снова.

Мальчик посмотрел вниз, сился разглядеть, кто стучит, но наружный подоконник загораживал обзор. Неизвестный гость, похоже, стоял вплотную к двери.

Идти через лабиринт коридоров было страшновато. Слабый свет телефонного фонарика терялся под высокими потолками, не в силах толком осветить путь. Да вдобавок ещё эти лестницы, углы, повороты...

Мыш, как был, в одних трусах, шлёпая босыми ногами, брёл по лабиринту театра, не вполне понимая, почему он вообще решил открыть кому-то дверь среди ночи.

– Может, это бомж или наркоман какой-нибудь стучит? – шептал в голове голос осторожности. – А то ещё хуже: садист или убийца?

Но мальчик не слушал его и шагал, чувствуя, как леденеют ноги, и ругая себя, что спроне не сообразил надеть тапки.

Мыш остановился перед дверью, снял с гвоздя тяжёлый холодный ключ, замер, прислушиваясь к тишине.

Из часовой слышались приглушённые расстоянием удары.

– Четыре, – машинально сосчитал мальчик и, собравшись с духом, громко спросил: – Кто там?

– Я по объявлению, – донёсся звонкий голос. – У вас тут на афише написано...

Мыш вставил ключ в замок.

Он открывал дверь в первый раз, ключ никак не хотел поворачиваться, упрямо застряв на середине хода. Мыш дёргал его то в одну, то в другую сторону, ничего не помогало.

Прошла минута, другая. Ключ делал пол-оборота и никак не желал идти дальше.

– Я могу чем-то помочь отсюда? – спросили с той стороны.

– Да чем же? – досадливо отозвался Мыш, обтёр вспотевшие ладони о трусы и снова принялся за дело.

Когда у него устали руки, он опустился на лежащую у двери ковровую дорожку и вытянулся. В голове было пусто. Прошло какое-то время, из часовой снова донеслись вибрирующие звуки ударов, Мыш вскочил, вцепился в хвост ключа, и тот как ни в чём не бывало легко провернулся в скважине.

За дверью стояла девочка, по виду ровесница Мыша, со слипшимися от дождя, закрывающими скулы волосами. Она обнимала себя за плечи и, словно цапля, поджимала одну, очевидно замёрзшую особенно сильно, ногу. Текущие по её кожаной куртке капли питались светом от фонаря, и казались живым золотом.

– Привет! – сказали они одновременно и замерли, глядя друг на друга.

– Можно мне войти?... Заходи!.. – снова вместе произнесли они.

Мыш отошёл в сторону, открывая вход.

Дверь мягко закрылась, отгородив детей от ледяного сеющего дождя. Мыш посветил фонариком на девочку. В тепле ей, казалось, стало ещё холоднее. Она крепче стиснула себя за плечи. Потом оглядела стоящего перед ней в одних трусах Мыша и спросила, неожиданно улыбнувшись:

– Ты чего так легко оделся, не замёрзнешь?

Он смутился, но не показал вида и кивнул:

– Пойдём.

Она шагала за ним, с интересом оглядываясь по сторонам. В высоких ботинках её чавкало.

Мыш привёл девочку к ванной комнате, открыл дверь, пустил в ванну струю горячей, задышавшей паром воды.

– Это тебе сейчас нужнее всего... Спасибо... – одновременно проговорили они.

И, смущаясь от необходимости быть взрослыми в свои невеликие годы, отвели глаза.

– Вот полотенце. А я пойду поищу для тебя сухую одежду в реквизите, – чуть хмурясь от серьёзности, сказал Мыш.

– Не надо, я сейчас согреюсь, а потом мне и мокрая сойдёт.

– Не сойдёт, – твёрдо заявил Мыш и вышел из ванной.

Забывшись, по привычке закрыл дверь на защёлку с внешней стороны, смутился, открыл защёлку и почти в панике убежал в реквизиторскую.

Там он набрал женских тряпок и ушёл в часовую ждать возвращения внезапной гостьи.

Потом, опомнившись, прибежал обратно, сел на ступеньке рядом с ванной комнатой и, обхватив колени, принялся размышлять о девочке, которая пять минут назад стояла под дождём на улице, а теперь отогревалась в ванной.

У неё русые волосы, вспомнил он. Мокрые, в свете фонаря они выглядели почти чёрными. Лицо ухоженное, но бледное, на подбородке ямочка. На левой щеке шрам, похожий на звезду. Куртка-косуха, он сам всегда такую хотел, истёртая, в белых царапинах, будто в шрамах.

Девочка в ванной распевала:

Летели качели без пассажира.
Без постороннего усилия,
Сами по себе.

Мыш знал эту песню.

Шум воды стих, послышалось шлёпанье босых ног по кафелю. Мальчик подскочил, запаниковав, пошёл отчего-то в сторону часовой, потом опомнился, вернулся, снова сел на ступеньку и крикнул:

– Я принёс сухую одежду!

– Спасибо.

Дверь приоткрылась. Мыш просунул внутрь кучу тряпок.

– Выбери, что подойдёт.

– Океюшки, – донёсся весёлый голос.

Послышался шорох ткани.

– Меня Веткой зовут, – мелодично, словно бы продолжая напевать, произнесла девочка.

– А я Мыш.

– Странное имя.

– Нормальное.

– Ну, Мыш так Мыш, – легко согласилась она. – А взрослых тут нет?

– Утром Альберт придёт.

– Это кто?

– Режиссёр. А также осветитель, билетёр, администратор и кто угодно.

– И больше никаких взрослых?

– Нет. Ни взрослых, ни детей.

– Ну и как он, Альберт?

- В смысле?
- Человек какой?
- А, нормальный.
- Как думаешь, возьмёт он меня в ваш театр?
- Это ему решать. Но почему бы и нет?

Ветка вышла из ванной в белой греческой тунике, доходившей ей до щиколоток. В руках у неё была куча мокрой одежды и тяжёлые отсыревшие ботинки.

– Как мне, нормально? – спросила она, крутанувшись, так что полог туники взлетел выше колен.

– Нормально. Свет выключи, – борясь со смущением, ответил Мыш.

Ветка повернула вертушок древнего выключателя, раздался громкий щелчок.

– Теперь я напою тебя чаем, – сказал Мыш, поднимаясь по ступенькам и освещая путь фонариком в телефоне. – Ты любишь зелёный или чёрный?

– Сегодня я люблю горячий, – сообщила девочка. – Максимально горячий.

– Это будет нетрудно.

В часовой он усадил её на стул, включил чайник. Сам взгромоздился на крышку пианино, пытаясь выглядеть сильным и уверенным в себе.

Пока чайник закипал, Мыш пытался не очень умело шутить, а девочка хохотала, открыто и совсем не стесняясь незнакомой обстановки. Мыша это ободряло, он шутил снова и всё более и более охотно, девочка снова смеялась.

«Что-то я сам на себя не похож», – подумал мальчик.

Чайник щёлкнул. Мыш разлил кипяток по чашкам...

Театральные будни

Начались репетиции.

– Вы, конечно, можете иметь собственное мнение, но я не уверен, что «Ганц и Гретель» – кассовый проект, – высказал Мыш Альберту.

– Так. Давай сразу расставим точки над «i». Режиссёр тут я, и только я определяю, что кассовый проект, а что нет. А если по существу, то исключительно от вас зависит, будет ли проект кассовым. И ни от кого другого, – режиссёр направил на мальчика указательный палец.

– А какие-то ещё спектакли предполагаются?

– Нет. Мы будем играть «Ганца и Гретель» два раза в неделю.

– Что? – удивился Мыш. – Один спектакль два раза в неделю?

– Именно. Он идёт в нашем театре более двухсот лет. Почему сейчас должно что-то измениться?

– Больше двухсот? – осторожно проговаривая слова, произнёс Мыш и оторопело поглядел на Ветку.

– То есть начинали играть этот спектакль ещё... – она быстро посчитала в уме, – при крепостном праве?

– Так точно. Крепостные актёры графа Шереметева Николая Петровича.

Альберт усмехнулся и сказал:

– Что это у вас так лица вытянулись? Можно подумать, что речь идёт о временах как минимум Древней Греции.

– Ну, на самом деле, для человека события двухсотлетней и двухтысячелетней давности не сильно-то и отличаются, – заметила Ветка.

Альберт неопределённо покачал головой.

– Тут ты, конечно, права. Но, как бы то ни было, театру действительно более двухсот лет. И мои предки уже целых два века связаны с ним самым тесным образом. Играли, режиссировали, шили одежду, рисовали декорации...

Ветка посмотрела на Мыша, потом на Альберта, словно не уверенная, стоит ли задавать свой вопрос.

– А вы, только извините ради бога, если глупость спрашиваю...

– Ничего, валяй.

– Вы от кого свою родословную ведёте? От крепостных или от Шереметевых?

Разговор происходил в часовой. Альберт, слегка играя на публику, сел за пианино, взял несколько элегических аккордов, должно быть, начало какого-то романса. Достал из кармана фляжку, сделал глоток. Прислушался, как течёт коньяк по горлу, произнёс:

– Родословную, девочка, я веду и от тех, и от других. Так бывает... Актрисы юны, красивые, пластичны, а перед таким сочетанием не могут устоять ни графы, ни князья, ни цари. Вы знаете, что Николай Петрович Шереметев был женат на своей бывшей крепостной? Да-да, на Прасковье Ивановне Ковалёвой-Жемчуговой, актрисе театра.

– Так вы граф?

Альберт усмехнулся, приподнял невидимую шляпу.

– К вашим услугам. Впрочем, хватит истории. Наша задача – поставить, или, если хотите, восстановить спектакль «Ганц и Гретель». Первая репетиция завтра в восемь утра. Попрошу без опозданий. И, кстати, ко мне можно обращаться на «ты».

Он натянул плащ, водрузил на лысеющую голову шляпу с широкими обвисшими полями. Мыш и Ветка проводили его до дверей.

– Скажите... Скажи, Альберт, а что случилось с предыдущими актёрами? – спросил Мыш перед тем, как закрыть за режиссёром дверь. – Ну, с теми, что были до нас?

– Что стало? – с неожиданной резкостью в голосе переспросил режиссёр. – Да ничего особенного – они выросли.

За три дня до этого разговора дети вызубрили свои роли, написанные Альбертом от руки на листах из ученических тетрадей.

– Не проще было на принтере распечатать? – нахмурился Мыш, когда впервые увидел покрытые аккуратными строчками листы.

– Никаких принтеров, компьютеров и прочей мертвечины. Я старомодный актёр старомодного театра, – ответил Альберт. – Текст, написанный от руки, всегда более живой, чем распечатка.

– Тут не всё легко читается, – придиричиво пошелестел страницами мальчик.

– С живыми всегда непросто. Разберёшься.

Когда Мыш впервые ступил на сцену, на него накатило что-то вроде наваждения. Тёмный зал, залитая ярким светом прожекторов и софитов сцена, запахи пыли, старой благородной материи, сухого дерева... На мгновение ему показалось, что сейчас произойдёт чудо: налетит ветер, запоют птицы и начнётся настоящая сказка... Но... Ничего не произошло. Лишь шедшая позади него Ветка крепко взяла его за руку, и он понял, что она тоже чувствует что-то подобное.

В правой части сцены стоял дуб, такой огромный, что даже втроём Мыш, Ветка и Альберт едва ли могли обхватить его ствол, покрытый толстой, иссечённой трещинами, какие бывают на земле во время засухи, корой. Рядом с его богатырским стволом примостилась печь, обложенная пряниками, леденцами и печеньем. Чуть дальше, в глубине сцены виднелась бутафорская, но довольно искусно сделанная трава, за которой угадывались деревья. Они, в отличие от дуба, были выпилены из фанеры, но полумрак надёжно скрывал этот их недостаток.

Альберт хлопнул в ладоши, призывая к вниманию.

– Пройдитесь, осмотритесь, – приказал режиссёр. – Походите по сцене, почувствуйте её. Вы должны сродниться здесь с каждой половицей.

Дети глянули под ноги. Обежали взглядом покрытый тёмно-серой тканью пол с отчётливо выступающими досками. Прошлись, каждая доска пела на свой голос. Некоторые громче, некоторые тише, какая-то мелодично, какая-то нещадно фальшивя. «И всё это надо будет потом учитывать», – поняли они безо всякой подсказки.

– Исследуйте сцену. Обживайте её. Именно она станет вашим домом, а вовсе не часовая.

– Но спать, я надеюсь, мы будем всё-таки в часовой? – уточнила Ветка.

– Спать да. А жить, жить вы будете здесь.

Мыш двинулся вглубь, в полумрак, где шелестели от его движений бутафорские травы и качали искусственными ветвями ивы. Впереди густела плотная, как карамель, темнота, и Мышу показалось, что идти можно ещё очень долго, но тут его вытянутая рука упёрлась в кирпичную стену.

Мыш с некоторым сожалением «как? и это всё?» ошупал кладку, сделал несколько шагов вправо-влево, но не нашёл ничего, кроме всё тех же кирпичей с грубо проступающим между ними раствором.

На сцене Ветка прыгала с половицы на половицу, выбирая те, что скрипят громче и пронзительней. Альберт наблюдал за ней с самодовольством родителя, видящего первые самостоятельные шаги своего чада.

Первый день, как и второй, и третий, прошли в «обживании пространства». Режиссёр заставлял детей плясать, ходить колесом, ползать, вставать на «мостик», притворяться трупами. Дошло до того, что однажды они всерьёз обнюхивали занавес, бутафорские деревья и траву...

– Да-да, я тиран, деспот и вообще крепостник по происхождению, – вещал Альберт, наблюдая, как его подопечные принимаются к запахам и их оттенкам.

– Я уже чувствую себя крепостной актрисой, – буркнула Ветка Мышу.

Мыш неодобрительно наморщил нос.

– Альберт, ты не боишься бунта на корабле? – спросил Мыш.

– У, какие мы обидчивые. Ладно, можете прекратить, – сказал режиссёр. – Это было шуточное упражнение. Но помните, в каждой шутке лишь доля шутки. Теперь новое задание. Вам нужно пробежать от края сцены до стены, но каждый раз вы должны использовать новый маршрут. Если первый раз пробежали вдоль правой стороны сцены, возвращаетесь по левой. Или же с правой, но делаете петлю вокруг дуба. Не повторяться, я буду следить. Включайте фантазию. Когда достигнете стены, хлопните по ней ладонью, чтобы я слышал.

Он развалился в кресле и принялся наблюдать за детьми, внимательно прислушиваясь к хлопкам.

– Он всё-таки издевается, – шепнула на бегу Ветка Мышу.

– Бегаем, бегаем, – ворчал из зрительного зала Альберт. – Гретель, ты повторяешься!

– Нет! – возмущённо воскликнула девочка. – Я, когда туда бежала, нырнула под иву, а возвращалась через траву.

– Убедила! Бегаем дальше...

Мыш собирался снова «восстать», но тут Альберт объявил об окончании репетиции.

– Зачем нужна была эта бессмысленная беготня? – спросила Ветка. – Что мы тренировали?

– Я хочу, чтобы вы знали, сколько есть способов достичь стены.

Сундук с ключами и закрытые двери

Вечерами, после того как Альберт уходил домой, основным развлечением Мыша и Ветки по большей части становились книги и фильмы. Но двенадцатилетним детям, да к тому же ещё и весьма деятельным двенадцатилетним детям, этого явно не хватало. Поэтому совершенно естественно, что очень скоро они отправились исследовать окружающий их лабиринт комнат, коридоров, переходов и лестниц. Сначала с опаской, а потом всё смелее уходили они от известных маршрутов. Слонялись довольно бездумно, наобум выбирая повороты, спускаясь и поднимаясь по лестницам, дёргая ручки многочисленных дверей, что встречались по пути.

Двери, как уже было сказано, имелись тут самых разных моделей, конструкций и фасонов. И грубо сколоченные из досок, будто бы предназначенные для хлева или амбара, и покрытые резьбой, словно перенесённые из дворца вроде Петергофа, Эрмитажа или Архангельского. Имелись и простенькие, лёгкие дверки, составленные из двух фанерок, и мощные, перетянутые железными полосами, ошпигившиеся квадратными шляпками кованых гвоздей. Встречались покрытые хитрой резьбой и состоящие из гладкого металлического листа, посаженного на выступающие из старой кирпичной кладки петли.

Большинство дверей было заперто, но находились и открытые. Поначалу каждая открытая комната вызвала шумный восторг, и дети с жадностью копались в горах хлама, что обнаруживали внутри. Чаще всего тут обнаруживалась старая мебель – стулья, кресла, шкафы, тумбочки. Мыш и Ветка выдвигали ящики, открывали створки, рассматривали то древнюю, то почти современную одежду, перебирали газеты и бесчисленные, исписанные от руки стопки бумаг и тетрадей. От всего этого «добра» летела такая пыль, что у детей слезились глаза.

Утомившись однообразием хлама, они, обнаружив очередную незапертую дверь, лишь заглядывали внутрь, бегло освещали фонариком обстановку, иногда приоткрывали какую-нибудь створку или ящик и отправлялись дальше.

Впрочем, исследование театрального лабиринта само по себе оказалось делом довольно интересным, и даже отсутствие сколь-нибудь интересных находок не расстраивало детей.

Однажды в низкой, словно курятник, и не имевшей окон комнате Мыш обнаружил сундук. Тот стоял посередине «курятника», и никакой иной мебели вокруг не наблюдалось. Крышку сундука покрывал слой рыхлой, похожей на снежную порошу, пыли. Замок отсутствовал. Мыш поднял крышку: сундук оказался под завязку заполнен ключами.

– О-хо-хо! Да их тут тысячи, – сказала Ветка.

– Я бы даже сказал, десятки тысяч, – уточнил Мыш.

Ключей было действительно невообразимо много – английские, сейфовые, крестообразные, сувальдные (с одной бородкой и двумя – «бабочки»), дисковые, перфорированные, реечные, луночные... Огромные и ржавые, будто их извлекли из древнеримских раскопок, и небольшие, блестящие, изваянные очень хитро и ловко. Бронзовые, стальные, сработанные из какого-то совершенно непонятного лёгкого и прочного металла, а некоторые, похоже, и вовсе из пластика.

– Теперь мы можем попробовать открыть любую из закрытых дверей. Ты понимаешь это? – спросила Ветка.

– Определённо, – согласился Мыш. – Но если просто перебирать их, надеясь, что какой-нибудь вдруг да подойдёт, у нас на каждую дверь будут уходить недели.

– Если не больше.

– Будем действовать системно, – постановил Мыш.

– Это как?

– Мы разделим ключи по типам. И когда захотим открыть какую-либо дверь, станем брать ключ только того типа, который соответствует её замку.

– Мыш, ты гений.

– Спасибо.

Мальчик гордо махнул чёлкой.

После сортировки выяснилось, что типов ключей здесь ровно двенадцать, дюжина.

Запертые двери открывались одна за другой. Не сразу, не быстро, на какую-то уходило двадцать минут, на какую-то целый день. Но выяснилось, что дело того стоит. Всё, спрятанное за закрытыми дверями, оказалось куда интереснее старой мебели и пыльного тряпья.

Первой открылась дверь, которую они тут же прозвали «хоббитской». И неудивительно, поскольку высотой она едва доходила детям до пояса.

Замок щёлкнул, подчиняясь повороту ключа. Мальчик в лёгком волнении взялся за «кукольную» ручку, потянул её на себя.

– Есть! – азартно прошептала Ветка, наклоняясь к открывшемуся чёрному проёму. – Есть-есть-есть!

Соприкасаясь головами, дети заглянули внутрь.

Там была крошечная, под стать двери, комнатка с круглым окошком, размером не больше футбольного мяча.

Дети по одному, первый Мыш, за ним Ветка, протиснулись внутрь. Длина комнаты позволяла вытянуться во весь рост, но не более того.

Мыш посветил телефоном, скрипнул защёлкой, открыл окно. Они высунули ладони наружу. На улице сеял холодный предзимний дождь. Дети долго лежали, трогая руками один на двоих дождь и переглядываясь в темноте.

– Странная комната. Почему она такая маленькая, как думаешь? – спросила Ветка. – Может, тут жили гномы? Или хоббиты?

– Тогда где они сейчас?

– Вероятно, съехали. Предлагаю назвать её...

– Хоббитской? Гномской?

– Нет, детской. Сейчас мы с тобой еле пролезли, а пройдёт ещё немного времени, подрастём и попасть сюда уже не сможем. Будем лишь изредка заглядывать и вспоминать, что когда-то залезали сюда и даже могли растянуться во весь рост.

Потом они нашли несколько комнат, стены, пол и потолок которых сплошь покрывали картины. В одной это были леса, в другой – моря, в третьей – горы, в четвёртой – пустыни. Рисунки выглядели столь реалистичными, что у детей закрадывались сомнения, действительно ли они всё ещё находятся в центре Москвы.

Нашлись комнаты с вызолоченными и посеребрёнными стенами, в которых от нестерпимых отблесков слепило глаза.

Одна комната оказалась доверху заполненной костями. Людей ли, животных, дети не поняли. От накатившего отвращения они поспешно захлопнули дверь и заперли её на ключ.

В другой на голом полу лежала книга с вложенным меж страниц ржавым кинжалом.

Нашлась комната, всё в которой было покрыто остриями гвоздей, ножей, лезвиями сабель, иглами, наконечниками копий.

Обнаружилась коморка, полная кораллов, раковин и засушенных рыб...

Но самой удивительной была... Нет, не комната, зрительный зал. Совсем маленький, намного меньше того, где предстояло играть Мышу и Ветке, но самый настоящий, со сценой, амфитеатром, партером и балконом.

Прежде чем войти сюда, детям пришлось оторвать доски с крупными гвоздями, которые были крест-накрест приколоты к косяку. Потом мальчик с трудом вытащил деревянный шпенёк, забитый в отверстие замка. Ещё целый день они подбирали ключ.

Увиденное, несмотря на следы длительного запустения, не разочаровало.

На стенах висели обвисшие, выцветшие транспаранты: «Театр для себя!», «Футуризм – будущее!», «Театр создаёт жизнь, а не имитирует!»

Доски пола, соскучившись по зрителям, радостно скрипели, почти визжали, словно щенки, приветствующие хозяев. Алый бархат на креслах полопался от времени, края плакатов бессильно обвисли...

Мыш заглянул под одно из кресел и обнаружил там револьвер. Выглядел он совсем как новенький.

На сцене стоял направленный куда-то в сторону балкона пулемёт «максим». Подмости устилали высохшие гвоздики. Мальчик тронул одну, и та распалась тонким бесцветным прахом.

– «Революции – революционный театр!» – прочитала Ветка висевший над сценой транспарант с провисшей серединой.

К стенам лепились бумажные, бледные до почти полной неразличимости печати, плакаты времён революции и Гражданской войны: «Ты записался добровольцем?», «Все на защиту Петрограда!», «Помни о голодающих!», «Красная армия – защита пролетарской революции!», «Смерть деникинской банде!»...

Мыш, зажав в руке револьвер, разглядывал хрупкие листы, угадывая на них изображения царей, кулаков, рабочих и красноармейцев.

Он тронул один из плакатов, и тот, подобно гвоздике, распался похожими на пепел хлопьями, оставив на стене только уголок с проступающим словно из мертвенного небытия словом «бой!».

Ветка осматривала «максим», двигала вверх-вниз стволом, трогала щиток и пули патронов в пулемётной ленте.

На стоящей в углу вешалке висела вылинявшая армейская шинель с красными «разговорами» на груди.

Мыш тронул её грубый ворс, тот оставался ощутимо колючим и плотным.

Воровато оглянувшись, мальчик сунул пальцы в приветливо оттопыренный карман шинели и извлёк оттуда ребристое тело гранаты-лимонки. Та легла в ладонь такой удобной и успокаивающей тяжестью, что он не смог заставить себя вернуть её обратно и, таясь от Ветки, сунул в карман брюк.

«Плакаты обесцветились, гвоздики рассыпаются от прикосновения, транспаранты провисли. Наверняка и револьвер не стреляет, и лимонка не взрывается», – подумал он, стараясь придать находкам безобидный характер.

Он не знал, что Ветка тоже вынесла с собой крошечный, больше похожий на игрушку, дамский браунинг.

Репетиции

Мышу очень не нравилась пьеса. Слишком мало действия, диалоги неинтересные, характеры скучные.

– Зачем я только согласился на эту роль?! – фыркал он, разучивая роль. – Это же пластик, фанера, бутафория.

– Ой, Мыш, тебя послушать, так ты словно бы в театре уже не один десяток лет играешь.

– Но вкус-то у меня какой-никакой есть.

– Вкус вкусом. Но эта сказка, в отличие от тебя, уже два века на сцене, – резонно замечала Ветка.

– Это невозможно играть двести лет! Пустоту нельзя играть, – упрямылся он, теребя волосы.

Ветка зубрила свою роль без лишних эмоций.

– По-моему, ты спешишь с выводами. Возможно, мы чего-то пока не понимаем.

– Пустота прозрачна. Тут нечего понимать, – язвил мальчик.

– Уверена, всё гораздо сложнее, чем кажется, – противоречила Ветка. – Не стоит делать выводов, не сыграв ни одного спектакля.

– Всё равно картон и пустота, – повторял Мыш, поджимая губы.

На репетициях быстро выяснилось, что Мыш не в состоянии произнести даже простейшей реплики так, чтобы она устраивала Альберта.

– Стоп! Ты вообще не понимаешь, что говоришь, – то и дело раздавался рык режиссёра.

Альберт играл отца, который трижды отводил своих детей в тёмный лес, чтобы их сожрали там дикие звери. По сюжету в стране царил голод, у отца не было возможности прокормить детей, и он, не желая видеть, как мальчик и девочка будут долго и мучительно умирать, отправляет их на пусть и страшную, но все же относительно быстротечную гибель.

– Когда ты говоришь «батюшка, можно я погуляю перед сном», уже тогда зритель должен понять, что у тебя есть ещё какие-то намерения, кроме как просто погулять. Понятно? Заново.

Мыш пробовал снова и снова, день за днём, репетиция за репетицией.

– Проблема в том, что ты совершенно закрыт на сцене! – рокотал Альберт, воздевая руки. – Хотя почему только на сцене. Ты и в жизни такой же.

– И что? Да, я интроверт.

– В театре нельзя быть интровертом! – Альберт наклонялся к самому лицу мальчика, заглядывая в глаза. – Тут надо открываться, наизнанку себя выворачивать. Понимаешь? Чтобы тебя услышали, ты должен обращаться не к себе, а к тем, кто в зале. И обращаться с той же искренностью, с какой обращаешься к себе. Давай, открывайся, ларчик!

– Сезамчик! – хихикнула Ветка.

– А ты чего улыбаешься, скелет ходячий? К тебе тоже есть много вопросов!

– А я что? Я ничего...

У Ветки, кстати, дела обстояли гораздо лучше. Распахнутая, вечно готовая к общению, для неё не составляло никакого труда выражать свои эмоции со всеми подтекстами и смыслами, какие только угодно было видеть режиссёру.

– Ганц, готов? – обращался к нему режиссёр.

– Готов, – сообщал Мыш, хмурясь и глядя исподлобья.

– Давай пробуй. Только без этой твоей звериной серьёзности. Это театр, игра, праздник, если хочешь. Так играй! Порхай и ничего не стесняйся.

Так или иначе, дело двигалось. Постепенно они подошли к моменту, когда заблудившиеся Ганц и Гретель находят в лесу печь, обложенную пряниками и леденцами, и принимаются с упоением её обглаживать.

– Неплохо, неплохо. Вот так. Молодцы, чудесно, – наблюдал за их действиями из зала Альберт. – Ганц, сострой чуть более хищную гримасу. Ты всё-таки дико голодный и грызёшь угол печи. Дай мне хищника.

Он вглядывался в происходящее на сцене.

– Гретель! А у тебя всё с точностью до наоборот. Сплошное переигрывание и чёрт знает что! Ты же девочка, а не самка аллигатора. Сдержанней! Мне нужен более мелкий хищник. Поехали снова!..

– Хорька ему дай, – тихо посоветовал Мыш.

Альберт переживал каждый их успех и каждую неудачу как свою собственную: то ругал на чём свет стоит, то хлопал в ладоши и кричал «браво!», волновался, потел, не выпускал из рук пёстрого платка и поминутно прикладывался к фляжке. Наконец увиденное вполне удовлетворило его, он взошёл на сцену и сказал:

– А теперь самое время появиться новому персонажу.

– Гному? – уточнил Мыш.

– Совершенно верно, Гному. Обстоятельства складываются так, что на репетиции он ходить не может, только на спектакли. Поэтому я, с вашего позволения, буду его временно заменять. Он появится отсюда.

Альберт постучал по едва заметной двери на могучем стволе дуба.

– Я, опять же с вашего позволения, не стану залезать внутрь. Итак, начали. Гретель, твоя реплика.

– Ой, Ганц, кто это? – испуганно спросила девочка.

– Я ваш друг, дети. Я ваш друг, – сказал Альберт-Гном, мгновенно преображаясь в вёрткое неприятное создание. – Как вас зовут?

– Я Гретель, – присела в растерянном книксене девочка.

– Я Ганц.

– Я люблю детей, – с улыбкой, открывшей все его зубы, заявил Гном. – Очень люблю.

Гном взял её ладонь и с преувеличенной серьёзностью, согнувшись в три погибели, поцеловал. Мышу показалось, что он скорее хотел укусить девочку, а не поцеловать.

Дети рассказали Гному о своём бедственном положении, и тот, извиваясь, принялся доказывать им, что не знает выхода из леса. Но если дети согласятся подождать, он непременно узнает: у ужа и гадюки, у кабана и лисы, у рыжика и мухомора.

Однако прежде они должны разгадать три загадки.

– Всего три! Три маленькие простенькие загадочки! – мельтешил Гном. – Согласны?

– Хорошо. Мы согласны, – ответили дети.

– Но если вы не разгадаете хотя бы одну, я съем вас. Зажарю вот в этой замечательной печи и съем. Ха-ха. Что? Годится?

Ганц и Гретель переглянулись.

– Делать нечего, по рукам.

– Обожаю детей! – с радостными подвываниями произнёс Гном и потряс палкой в воздухе.

Потом он загадывал им загадки, две из которых они успешно разгадали, а с третьей не справились, и Гном, потирая узкие сухие руки, собрался отправить их в печь. Но после того как выяснилось, что исполненная детьми раскоряка никак не пролезает в жерло печи, он вызвался показать, как на самом деле нужно лежать на лопате, и в итоге отправлялся в сочащееся сочным алым светом печное нутро. После чего дети радостно возвращались домой к отцу.

– Неплохо. В общем и целом молодцы, – с неподдельной радостью сказал Альберт, когда они дошли до финала. Однако тут же пригасил ликование: – Только не обольщайтесь, работы ещё очень и очень много.

Премьера

И вот, наконец, день премьеры. Утром Мыш и Ветка сходили с ума от волнения, но ближе к вечеру, как ни странно, немного успокоились и держались почти уверенно.

Народу в зале собралось немного, но это не беда, успокоил их Альберт.

– Мы же только открылись, потом сарафанное радио разнесёт весть о нас по Москве и зритель пойдёт, – заверил режиссёр.

Дети видели, что сам он волнуется не меньше их, но умело это скрывает.

До поры действие развивалось весьма неплохо.

И вот, когда дети воодушевлённо сопели, изображая, что грызут прянично-леденцовые углы печи, снизу, из-под пола, донёсся стук. Они замерли, думая, что он им только чудится, но звук нарастал, становился всё чётче, явственней. Было похоже, как если бы кто-то в деревянных башмаках поднимался по лестнице из далёких глубин, всё ближе и ближе к поверхности сцены.

Мыш и Ветка обескураженно поглядели на стоящего за кулисами Альберта, тот энергично замахал руками, призывая не выходить из образа.

«Это же тот актёр, который будет являться только на спектакли», – вспомнил Мыш.

Стук приблизился и затих.

Раздавшийся в наступившей тишине скрип показался почти оглушительным. По спинам детей ледяным крошечкам осыпались мурашки.

В створе дуба, возвышавшегося рядом с печью и накрывавшего своей кроной половину сцены, открылась дверь. За ней стояла ровная и глухая тьма.

Мальчик и девочка с интересом заглянули в неё, непроницаемую, как вода в колодце. На дне её произошло движение, и появилось вытянутое худое лицо, о котором можно было бы сказать, что оно похоже на донкихотовское, если бы не «шкиперская» бородка и не полосатый, похожий на сачок, колпак. Головной убор смотрелся так нелепо, что впору было бы рассмеяться, но смеяться отчего-то не хотелось. Больше того, с появлением нового персонажа дети почувствовали себя зябко и неудобно.

Альберт за кулисами снова беззвучно замахал руками и ткнул пальцем в Ветку. Та опомнилась:

– Ой, Ганц, кто это?

– Я ваш друг, дети, – произнёс Гном разводя в стороны руки, в одной из которых была довольно толстая сучковатая палка.

Он перекинул ноги наружу и прыгнул вниз. Деревянные башмаки ударили в пол с уже знакомым стуком.

И действие пошло своим чередом пока...

– ...Итак, загадка первая! – торжественно, со скрытой угрозой в голосе, произнёс Гном. – Вы готовы слушать, прекрасные дети?

Человечек в полосатом колпаке замер, выдерживая паузу.

Из глубины сцены донеслось движение воздуха. Ветви дуба и плакучих ив закачались на весу, зашелестели бутафорские травы, словно самая настоящая лесная осока.

Чирикание птиц, доносящееся из спрятанных в листве динамиков, стало ярче, объёмнее и шло уже со всех сторон.

– Итак... – Гном, кривляясь и слегка кланяясь, принялся отступать в густую тень, копившуюся в дальней части сцены. – Чем больше у неё отнимают, тем больше она становится...

Он говорил медленно и последние слова произнёс, став уже неразличимым в темноте.

Дети молчали, изображая задумчивость и в лёгком недоумении глядя друг на друга. Гном вёл себя странно, не по пьесе. На репетициях он никуда не уходил, наматывал круги около детей, словно акула возле своей жертвы.

– Это яма! – закричал Ганц.

Горящее лицо Гнома появилось из бутафорской травы.

– А-ха-ха! Правильно! Правильно, прекрасные дети! – пропитанным злобой и лестью голосом произнёс он. – Но наша игра только начинается. Слушайте следующую загадку!

Из ветвей дуба выпорхнула трясогузка и, чирикавая, заметалась в свете софитов.

По сцене снова прошло движение воздуха, теперь уже более сильное. Запахло лесом и близкой большой водой.

Сердца мальчика и девочки бились, ноздри раздувались, веточки вен пульсировали на тонких шеях, словно всё происходящее здесь уже и не было спектаклем. Мышу вспомнился первый выход на сцену, ощущение праздника, предчувствие чуда.

– Эй! Эй! Эй! – закричал Гном, отступая вглубь декораций. – Слушайте-слушайте-слушайте!

Сцену заполнили трели птиц. Фонари заиграли переливами радуги.

– ...то... еет... ороду... ть... раз... на дно... и... сё равно... дит... с боро...ой... – донеслось еле слышно, словно Гном убежал на порядочное расстояние.

– Кто бреет бороду десять раз на дне и всё равно ходит с бородой, – повторил Мыш для зрителей, поскольку нельзя было рассчитывать, что они разобрали хоть слово.

«Что он делает? Почему прячется? Зачем говорит так тихо?» – думал в отчаянии мальчик.

Вспомнил, что старые актёры любят издеваться над молодыми и ставить их на сцене в идиотское положение.

«Ну, нет. Мы на такие разводки не ведёмся. Не на тех напал».

– Это брадобрей! – закричал Мыш, разволновавшись, но стараясь не подавать вида.

– Как ты угадал? – выскочил из травы Гном. – Признайся, ты знал ответ заранее?

Голос его, как и положено, сочился злобой и подозрительностью.

– Говори последнюю загадку, – приказал Мыш.

– А! Последнюю? Пожалуйста! Ну, конечно, пожалуйста... – Гном ринулся в чащу, задев ствол дерева, так что с него посыпались искусственные листья.

Наступила тишина. Умолкли шорохи деревьев, стихли крики птиц, замер ветер.

Из далёкой дали донёсся крик:

– Ууу!.. Ии!.. Аа!..

– Зимой – звезда, весной – вода, – громко сказал Мыш.

– ...ет... илиый ребёно... – донеслось из чащи. – Я...адал...овсем другую...агадку.

Снова послышался треск сучьев, как будто кто-то бежал сквозь чащу.

– Ууу!.. Ии!.. Аа!..

– Зимой – звезда, весной – вода... – растерянно повторил Мыш.

– ...ет!..ет!..ет! – рявкнул Гном.

Ветка сжала руку Мыша.

Дети чувствовали устремлённые на них глаза зрителей, и колени их начали предательски подрагивать.

Из чащи долетел смех, и чаща отозвалась тысячью голосов.

– ...оже... вам... одойти... лиже?... – послышался крик из темноты.

– «Может, вам подойти ближе», – расшифровала Ветка. – Мыш, что это за ерунда? – произнесла она еле слышно.

– Стой на месте. В пьесе ничего подобного нет. Это какая-то актёрская разводка для молодых, – тихо ответил мальчик. – Громче, Гном! – крикнул он.

Хохот из чащи не смолкал...

– ...иже!..иже! – повторил несколько раз Гном, но дети так и не двинулись с места.

Когда Гном наконец вышел из чащи, борода его, одежда, да и сам он весь целиком выглядел как-то донельзя фальшиво. Мыш испугался, что зрители сейчас начнут кричать «халтура» и кидать на сцену смятые в комки программки.

– Зимой – звезда, весной – вода, – со скукой в голосе произнёс Гном.

– Мы не знаем, что это, – нестройным хором, будто детсадовцы на утреннике, ответили дети.

Деревянным голосом, с нарочитыми, а то и не вполне уместными интонациями Гном начал произносить положенные реплики, Мыш и Ветка отвечали. Спектакль кое-как доковылял до конца. Наступил хеппи-энд, но счастливым никого из актёров он не сделал.

Зрители – взрослые и дети, почти не хлопали, кривили лица, переговаривались. Доносились фразы об «утере традиций», «бездарном поколении», «смерти театра» и много других, не менее уничижительных.

Когда зал опустел и двери были заперты, актёры пили чай в часовой. Понуро смотрели в чашки с нарисованными на них детскими игрушками, деревянными птицами и синими бабочками, ели овсяное печенье, роняя крошки и вяло смахивая их с одежды.

Напряжение в электрической сети скакало, лампочки светили, вздрагивая и мерцая.

Альберт выглядел побледневшим и усталым.

– Что за кислые лица? Ну-ка, не унывать! – подбодрил он детей. – Для премьеры неплохо. Дальше будет только лучше.

– Да уж куда лучше-то?... – вяло отозвался Мыш.

– И тем не менее, бодрее!..

Ветка оборвала его:

– А где Гном? – поинтересовалась она. – Он что, так и остался в печи?

– Точно. Сгорел на работе, – пошутил Альберт.

– Нет, я серьёзно.

– Ушёл домой. Из печи и дерева есть ход. Так что не стоит ждать его после спектаклей.

– Кстати, о Гноме, – вспомнил Мыш. – Скажи, зачем он, когда загадывал загадки, прятался за декорациями?

– Вот-вот, – поддержала его Ветка. – Это что, такой дурацкий театральный прикол? Разводка для молодых актёров? Он поиздеваться хотел?

– Прятался за декорациями? – Альберт как-то странно посмотрел на неё.

– Да. И говорил еле слышно, будто стоял метров за сто от нас.

Режиссёр перевёл взгляд на Мыша.

– Да, – поддержал девочку тот. – Именно так всё и было.

Альберт покачал головой.

– Я ничего такого не видел. Гном всё время был на сцене рядом с вами.

– Но он уходил за декорации!

– Я был рядом, за кулисами, наблюдал и ничего такого не видел.

– Он исчез, убежал... – стоял на своём Мыш. – И кричал, как будто издали...

– Ты нас за идиотов держишь, Альберт? – закипая, спросила Ветка. – Или мы, по-твоему, врём?

– Спокойней, друзья мои, спокойней. Я говорю только о том, что видел собственными глазами, не более.

– Ещё птица на сцену вылетала! Трясогузка... Как раз когда Гном ушёл.

– Я не заметил никакой трясогузки. Да и зрители тоже. Уверен, вылетит на сцену птица, в зале стоял бы такой гомон, что вы бы себя не услышали.

– Но она порхала и чирикала!

Режиссёр покачал головой.

– Простите, но ни я, ни зрители не видели ничего подобного. Ни птички, ни кошки, ни рыбки. Никакой живности.

– Это да, – согласился Мыш, признавая бесплодность беседы. – Сегодня на сцене было мало живого.

На следующем спектакле история с уходом Гнома повторилась. Он опять убежал за декорации и загадывал загадки оттуда, словно бы уходя всё дальше и дальше. Хохотал и просил подойти поближе. Обратно пришёл с сухим репейником на коленке.

И на следующем представлении было то же самое. И на следующем...

Народу раз от разу ходило всё меньше. Во время пятого спектакля зал почти пустовал.

Мыш

(колыбельное стихотворение, написанное во время бессонницы)

Была б моя воля,
Поселил бы в пианино мышь.
Спит – молчит,
Бегаёт – звучит.

Каждый шаг – звук.
Три – аккорд.
Прыгаешь, машешь хвостом,
Минор, мажор.

Задел струну усом,
Не слышит никто.
Но звук есть.
Здесь, вот.

«Жила одна мышь в пианино...»
Прекрасное начало для сказки.
Ждём продолжения
И закрываем глазки.

За сценой

В ночь перед седьмым спектаклем дети долго сидели на подоконнике, смотрели в окно. Альберт ушёл в самом мрачном настроении, еле волоча ноги от усталости и коньяка.

– Понимаете, на каждом спектакле, – говорил он, сидя перед тем за пианино и сбивчиво наигрывая джазовую импровизацию, – актёр должен что-то отдать зрителю.

Его глаза печального мопса блуждали по клавиатуре, плечи обвисли, как ветки дерева после дождя.

– Что отдать? – спросил Мыш.

– В этом-то и соль, – Альберт медленно и нетрезво покачивал головой в такт музыке. – Отдать нужно то, чего у вас раньше не было. Вы должны найти нечто во время спектакля и подарить людям в зале.

– Боюсь, я плохо понял.

– ...И когда вы с Веткой научитесь этому, – продолжал Альберт, – сразу исчезнет всё, что вам мешает.

Он по очереди оглянулся на Мыша и Ветку.

– Дорогие мои, я очень на вас надеюсь.

Тяжело поднялся из-за инструмента.

– Пойду. Ещё и мама разболелась... Она, кстати, много лет играла Гретель в нашем театре, – сказал, ощупывая карманы. – Надо будет в круглосуточную аптеку зайти.

– Тебя полиция не «примет» в таком состоянии? – спросила Ветка.

– А какое у меня состояние? Нормальное, я считаю. Ну а примет, значит, примет, – равнодушно ответил режиссёр, задев плечом дверной косяк. – Спокойной ночи, дети. Не провожайте, я сам закрою.

В наледи на оконных стёклах играли золотые мотыльки. Москва-река походила на поток чёрных муравьёв.

– На прошлый спектакль было продано пять билетов, – сказал Мыш.

– Один зритель ушёл в антракте, – добавила девочка. – Считаю, для себя играли.

– На Альберта больно смотреть.

– На него больно, на нас жалко.

– Пора перестать врать себе, – резко бросил Мыш. – Мы никчёмные актёры, и в этом всё дело. Да и спектакль нелепый. Я сразу сказал, что «Ганц и Гретель» – бредовая идея.

– Понятно, что спектакль детский, понятно, что незамысловатый, но играли же его как-то двести лет. И ведь наверняка не для пяти зрителей!

– Притом что один уходит в антракте...

– Да ещё и Гном с этими его идиотскими розыгрышами... Нет, ну как ему не надоест ерундой заниматься? Взрослый же человек. Шутка, повторенная сто раз, смешнее со временем не становится.

По улице с шумом и гулом, расталкивая полумрак мигающим маячком, двигалась уборочная машина. Тени от маячка заматались по детским лицам.

Ветка положила подбородок на колени.

– Как хочешь, но нам надо узнать, куда уходит Гном и зачем зовёт нас за собой, – сказала она.

– Но это же не по пьесе! Да и не хочу я вестись на его дешёвые разводки.

– Разводки не разводки, плевать. Надо попробовать пойти.

Мыш долго молчал, хмурился, пожимал плечами, ведя какой-то внутренний диалог с самим собой.

– Да, наверное, ты права, – наконец неохотно признал он. – Будь что будет. Пойдём за ним. Кстати, ты чувствуешь, какие странные запахи слышатся, когда Гном уходит за сцену?

– Конечно. Женское обоняние вообще острее мужского. Травой пахнет, костром, озером. А может, рекой. Ещё грибами: сыроежками, опятами...

Она тронула шрам на щеке, похожий на звёздочку или снежинку.

...

Когда Гном задал третью, последнюю загадку, Мыш сжал Веткину руку, и они вместе зашагали вперёд, через бутафорскую траву, под ветви искусственных ив, колышущихся под налетевшим неизвестно откуда ветром. Ветви прошлись по лицам, будто ощупали. Темнота надвинулась, упала в глаза, обняла и скрыла от зала.

Дети продолжали двигаться. Во тьме проявилась искра света – далёкий костёр. Мрак поредел, проступили стволы деревьев, зубчатые контуры трав, кривые лапы валежника. Ветка зацепилась за что-то, должно быть, за сухой сук, и едва не упала. Мыш удержал её.

У костра стоял Гном, увидев детей, он радушно раскинул им навстречу руки.

– Ну, вот и вы! С прибытием!

– Что это? Где мы, Гном? – спросил Мыш, чувствуя, как намокает от росы его одежда, понимая, что трава, по которой он шёл, – самая настоящая лесная осока, а впившийся в ухо комар и вправду пьёт его кровь.

– Добро пожаловать в Засценье! – радостно произнёс человек в колпаке.

– Что?... Какое Засценье?... – одновременно спросили Мыш и Ветка.

– Друзья мои! Это лучшее место на земле, и раз уж вы пришли сюда, то скоро в этом убедитесь.

Возле костра стоял большой, сплошь покрытый цветами и ещё не раскрывшимися бутонами куст дикой розы.

– Смотрите, какие цветы! – Гном осторожно наклонил ветку, понюхал. – Обожаю. «Роза пахнет розой...» Знаете, откуда это?

Он выжидающе посмотрел на детей.

– Кажется, Шекспир. «Ромео и Джульетта»? – колебавшись, ответил Мыш.

– Точно, – радостно подтвердил Гном.

– При чём тут Шекспир? Что вообще происходит? – спросил мальчик. – Куда исчезла стена? Я ведь раз сто был рядом с ней, трогал, ощупывал, а теперь...

– А теперь вы в Засценье, – терпеливо повторил Гном. – И оно бесконечно, как бесконечен театр и человеческая фантазия.

– Совсем ничего не поняла... Можно как-нибудь без загадок?... – сказали вместе Мыш и Ветка.

– Но вам интересно? – спросил Гном.

– Да, – согласились дети.

– И страшно, наверное?

Дети замялись, переглянувшись.

– Ничего, это как раз обычное дело, – беззаботно подмигнул он.

Весёлость неожиданным образом шла донкихотовскому лицу Гнома.

– И что же мы должны делать в этом твоём Засценье?

– Во-первых, оно такое же ваше, как и моё. А во-вторых, прежде всего вам необходимо предстать перед Дионисом.

– Пред кем? – с недоверием спросила Ветка. – Богом театра?

– Именно. Надеюсь, он разрешит вам бывать здесь. И в каком-то смысле станет вашим проводником.

– Проводником куда?

– Не знаю, тут всё только от него зависит, – пожал плечами Гном. – Но уверяю, это будут чрезвычайно увлекательные путешествия. И помните, из каждого вы должны что-то принести. Ради этого всё и происходит.

– Что принести?

– То, чего у вас нет.

Дети переглянулись.

– Да, Альберт говорил что-то подобное, – вспомнила Ветка. – Я ещё подумала, что он малость не в себе из-за мамы и всех этих проблем с театром.

– А что с его мамой? – спросил Гном.

– Она болеет, – коротко сообщил Мыш.

Лицо Гнома посерьёзнело, он отвёл взгляд в сторону, задумался.

– Так что мы должны принести из-за сцены? – вернула его девочка к предмету разговора.

– Да всё равно что. Неважно. Хотите, приносите предметы. Или просто чувства и ощущения. Да хоть запахи. Сами поймёте, короче.

Дети выглядели ошеломлёнными.

– И что, нам прямо сейчас идти к Дионису?

– А чего ждать-то?

– Только... – Ветка посмотрела на Мыша.

– Как же мы пойдём, если там сейчас продолжается спектакль? – спросил мальчик. – Зрители ждут...

– Спектакль? – замахал руками Гном. – Не бойтесь и не переживайте. Никто и не заметит вашей отлучки.

– То есть... – начал Мыш.

– ...пока мы здесь, там время остановилось? – досказала его мысль Ветка.

– Совершенно верно.

– Так не бывает, – твёрдо сказал Мыш. – Это противоречит здравому смыслу.

Гном наклонился, заглянул ему в лицо.

– А бывает так, чтобы стена была, а потом вдруг – раз! – и исчезла?

– Со мной, по крайней мере, такого не случалось, – признался Мыш.

– Вот видишь, – примирительно сказал человечек в колпаке. – Идите! Перед вами столько всего... – он с лёгкой завистью покачал головой.

– А ты не пойдёшь с нами?

– Нет, – с сожалением признался Гном. – Я существо рубежа. Могу привести вас сюда, но не более. Дальше мне нельзя. Я слишком привязан к тому миру, откуда вы пришли. Хотя и туда мне тоже нельзя. Так и живу, между мирами. Ни там ни сям. Впрочем, это всё неважно и вас не касается. Вперёд!

Дети сделали несколько шагов, когда Гном окликнул их:

– Стоп, стоп! Разволновался и совсем забыл... Вернитесь, сделайте одолжение.

Он отломил от розового куста шип, взял руку Мыша и неожиданно сильно уколол его в указательный палец.

– Ммм! – воскликнул мальчик. – Аккуратней, больно же!

– Да ладно тебе. Комар больней кусает.

Гном выжал каплю крови. Та набухла, выросла до размера божьей коровки и упала в траву. Гном проследил, как она скатилась по листу, впиталась в землю. Удовлетворённо кивнул, подозвал Ветку. Та подала ладонь с лёгким страхом, но укол приняла без звука. Ещё одна капля упала вниз.

– Вот и всё.

– Что это за кровавые жертвоприношения? – спросила Ветка.

Гном поглядел на шип и отбросил его в сторону.

- Засценье пускает к себе только в том случае, если вы что-то отдаёте ему.
- И двух капель крови достаточно? – уточнил Мыш.
- Вполне.
- Ветка от нетерпения пританцовывала на месте.
- Идём же! Идём! – она схватила Мыша за локоть.
- Гном посмотрел им вслед.
- Засценье и существует только потому, что вы ему что-то отдаёте.

За сценой. Роща Диониса

Дети шли, и лес неуловимо менялся. Широколапую сумеречную русскую лиственницу сменила прозрачность южных рощ. Это уже никак нельзя было назвать лесом, такой простор и открытость были вокруг. Редко стоящие оливы с мощными дуплистыми стволами оставляли открытым достаточно неба, но вместе с тем и давали густую, приятную коже тень.

Вдали послышался неясный гомон.

– Тс-с-с! – приложил к губам палец Мыш и замер.

Из-за деревьев доносились хохот, женские взвизги, мощный и не всегда стройный хор. Земля под ногами еле заметно вздрагивала, и казалось, что эти еле уловимые сейсмические волны идут с той стороны, куда направляются дети.

– А Дионис-то, похоже, не скучает, – заметила Ветка.

– Бог вина как-никак. Зачем ему скучать?

Бог раскинул свой лагерь посреди оливковой рощи. В центре бивуака³ на ступенчатом постаменте, укрытом коврами, стоял его трон. Или, правильнее будет сказать, нечто, похожее разом на трон и диван.

Бог лежал, опершись локтем о поручень, и гладил за ухом устроившегося рядом с ним леопарда. Ещё один хищник покоился у бога в ногах, третий расположился у подножия поста-мента.

На высокой спинке трона сидел огромный, как кондор, белый ворон. Временами он распахивал широкие крылья, открывал розоватый клюв и издавал хриплое «кру!».

Дионис удивительно походил на стоявшую в часовой статую, и даже перевитые виноградными лозами волосы спадали на лоб так же, как изобразил неизвестный скульптор. В правой руке бог держал огромную, по людским меркам, чашу, которая, впрочем, учитывая его трёхметровый рост, совсем не казалась чрезмерной. Он жестикулировал, вздымая чашу, бордовые брызги веером разлетались вокруг, падали на шкуры леопардов, и те с ленивым изяществом слизывали их длинными языками.

Вокруг трона стояла толпа, состоящая из совершенно невероятных существ.

Прежде всего обращали на себя внимание козлоногие, мощные, как атлеты, создания. У каждого в руке было по чаше, к которым они то и дело прикладывались, временами разражаясь низким, грохочущим хохотом. Мускулы сновали под их тёмной кожей, словно удавы. Удары копыт о землю – хохоча, сатиры то и дело топали ногами – сотрясали деревья. Казалось, если дать им волю, они за день разнесут на осколки гору размером с Олимп, такими устрашающе мощными выглядели их тела и движения.

На их фоне белизной кожи и мелодичными голосами выделялись девушки, легконогие, золотоволосые, красивые какой-то особенной неуловимой красотой.

– Это менады и сатиры – спутники Диониса, – шепнул Мыш.

– Я в курсе. Не ты один книги читаешь.

Над свитой бога, словно бабочки над сахарной россыпью, порхали крылатые младенцы-купидоны. Это были довольно вздорные ребята – они без устали дразнили и щипали козлоногих, девушек, а то и друг друга. Хохотали громко, взхлёб, зажимуривая глаза и хватаясь за пухлые животы.

Мыш и Ветка приблизились к толпе. Крики, визг свирелей и пение смолкли. Тишина, словно волна, разошлась от детей по скопищу древних созданий. Взгляды менад стали холод-

³ Бивак, бивуак (от *фр. bivouac*) – оборудованное место расположения людей на отдых (днёвку, ночёвку и так далее) в условиях естественной природной среды.

ными и недоверчивыми. Глаза сатиров недобро сощурились. Купидоны принялись неприязненно гримасничать.

Толпа стояла перед ними плотная, неразъёмная и расступаться не собиралась.

– Мы пришли к Дионису, – сказал Мыш, с трудом заставляя себя поднять голову и взглянуть в лицо ближайшему, возвышающемуся над ним, как сосна над кустом земляники, сатиру.

Тот скрестил на смуглой волосатой груди перевитые мускулами руки и выпятил нижнюю губу.

– Мы пришли к Дионису, – твёрдо, как только мог, повторил Мыш и посмотрел прямо в огромные лошадиные глаза сатира. – Пропусти.

Тот распрямился и медленно сделал шаг в сторону. Толпа расступилась, словно лёд от потока горячей воды. Перед Мышом и Веткой возник живой коридор. Лежащий у подножия трона леопард поднял голову.

Дионис наблюдал за их приближением.

Леопард со стремительностью пробившейся меж электродами искры метнулся к детям, остановился, обошёл, всем видом показывая, что стоит им сделать одно неверное движение, и он разорвёт их в клочья.

– Ближе, – громоподобным, но удивительно мягким голосом приказал Дионис.

Дети приблизились.

– Зачем вы здесь?

– Мы актёры... Мы из театра... – вразнобой ответили дети.

Мыш глубоко вздохнул, чтобы собраться с мыслями, и произнёс:

– Мы впервые в Засценье и просим тебя разрешить нам бывать здесь и дальше.

Бог оторвал ягоду от обвившейся вокруг спинки трона виноградной лозы.

Один из купидонов подлетел к детям и, приблизив лицо вплотную к лицу Мыша, заявил:

– Я бы посоветовал вам скорее убраться отсюда. Засценье опасно.

По лицам детей прошёлся холодок от взмахов его крыльев.

Мыш почувствовал облегчение от того, что ему не приходится больше обращаться к богу, и спросил:

– И в чём опасность? Тут могут убить?

– Нет, дружок, – насмешливо отозвался крылатый младенец. – Бывают вещи похуже смерти. Да и вообще, смерть – не самое большое зло.

– Можно подумать, она добро, глупыш, – нервно улыбнувшись, сказала Ветка.

– Глупыш? Знаешь что, человеческая козявка! – смешно наливаясь красным, разозлился купидон. – Не стоит тебе со мной ссориться. Вражда со мной может стоить тебе очень дорого.

– Ну, конечно, карапуз... Да что ты можешь?

– Что я могу? Могу, например, уронить тебе на голову черепаху...

И он неожиданно сильно стукнул Ветку кулачком по темени.

Сатиры и менады разразились хохотом, напоминавшим камнепад.

Довольный шуткой купидон тут же попытался взлететь, но Мыш подпрыгнул и схватил его за лодыжку. Шлёпнул по пухлой попке и сказал:

– А извиниться ты можешь?

И ещё раз приложил ладонью по покрасневшему заду. Дионис, едва улыбаясь, смотрел на них и не вмешивался.

Купидон задёргался, но Мыш держал его крепко.

– Да, надо мириться, – сказал наконец крылатый младенец. – К чему вражда, к чему война? Извини, девочка.

Мыш разжал пальцы, купидон юркнул в гущу ветвей.

– Погодите, я ещё не закончил с вами! – пообещал он, потрясая оттуда румяным кулачком.

Дионис поднял руку с чашей, шум затих.

– Что ж... В вас есть решимость. Особенно в тебе, – бог посмотрел на Мыша. – Настоящие актёры получаются только из тех, кто обладает решимостью.

Бог поглядел в чашу, где переливалось оттенками пурпура и солнца вино.

– Отныне никто не воспрепятствует вам посещать Засценье, – сказал Дионис. – Я скажу несколько напутственных слов, постарайтесь запомнить. Засценье прекрасно. Здесь с вами может приключиться всё что угодно. Абсолютно всё. Здесь вас ждут приключения, каких вы не узнаете больше нигде. Ничего не бойтесь. Вас будет невозможно убить. Почти невозможно. Если только вы не станете расстраивать их...

Дионис кивнул на хищников.

– То есть нам не угрожает ничто, кроме ваших леопардов? – уточнила Ветка. – Мы не сгорим в огне, не утонем в воде, не разобьёмся, если упадём в пропасть?

– Верно.

– Я чувствую, мы тут на славу повеселимся! – хлопнула она в ладоши. – Бессмертие – это то, чего мне всю жизнь очень не хватало.

Дионис успокаивающе качнул рукой.

– Только помните, – он указал чашей на прячущегося в листве купидона, – маленький негодяй прав. Есть вещи похуже смерти.

– Какие, например? – недоверчиво спросила Ветка.

– Например, бесконечная жизнь и бесконечная боль, – ответил бог.

Дионис протянул руку, ворон прыгнул ему на предплечье, окольцевал узловатыми когтистыми пальцами.

– Он будет вашим проводником в Засценье. Едва вы попадёте сюда, поднимите головы и увидите или услышите его.

Словно в подтверждение его слов ворон раскинул крылья и в очередной раз выдал своё громогласное «кру!».

– Следуйте за ним. Он приведёт вас в такие места, какие вы и не сможете вообразить.

Бог пригубил из чаши.

– Возможно, Засценье – вообще самое интересное место во Вселенной. Добро пожаловать.

– А куда нам идти сейчас?

– Возвращайтесь туда, откуда пришли. Для первого раза вы узнали достаточно.

– Но мы должны что-то принести отсюда, разве нет? – сказала Ветка.

– Бери что хочешь, – радушно предложил Дионис. – Можешь взять пыль от корней деревьев. Или нарви листьев с олив.

– Надёргай перьев из крыльев купидонов, – посоветовал сатир с седой бородой и захохотал.

Купидончики заверещали тонкими голосами, принялись корчить ему рожи и делать неприличные жесты.

– Мы нарвём листьев, – сказал Мыш.

– Первый раз все так поступают, – согласился Дионис.

...

– Я вижу, у вас получилось? Вы были за сценой? – спросил Альберт, когда они выходили на бис кланяться аплодирующей публике.

И пусть зрителей было всего семеро, ничто не может сравниться с первым успехом.

Ветка кидала в зал оливковые листья, и они, невидимые для людей, разлетались по залу.

– Да, мы были там, – шепнул Альберту раскрасневшийся Мыш, чувствуя, как от восторга у него заходится дыхание и шумит в ушах.

...

В часовой тихо. Успокаиваясь, шумит только что выключившийся чайник. Альберт размешивает сахар в фарфоровой чашке. Ветка, встав на цыпочки, поливает фиалку на полке. Мыш, пытаясь унять волнение, всё ещё будоражащее его, прохаживается по комнате.

– Скажи, Альберт, почему ты именно нас выбрал для своего театра? – спросил мальчик.

– Кстати, да. Мне тоже интересно, – повернулась к нему Ветка. – Ты ведь мог взять первого попавшегося ребёнка с улицы. Или не мог?

Всем видом показывая, что не хочет отвечать на вопрос детей, Альберт уткнулся в чашку, но, чувствуя на себе пристальные взгляды, отставил её в сторону, сцепил перед собой руки.

– Я мог бы, конечно, соврать вам. Мол, это потому, что я понял, какие вы уникальные, талантливые и прочее, прочее. Но ведь вам нужна правда? Так вот, правда состоит в том, что внутри у каждого из вас есть рана. Она кровоточит, болит, и это делает вас чуткими, страдающими. Живыми, по большому счёту. Такими, какие только и нужны театру. А кроме того, я видел, что вы... Как бы сказать? Что вы в опасности и не сегодня-завтра с вами может случиться что-то очень плохое.

– В смысле? – переспросила Ветка.

– Ну, например, самоубийство, – поколебавшись, со вздохом пояснил Альберт и вытер проступивший то ли от горячего чая, то ли от волнения пот.

– У меня и в мыслях никогда такого не было! – фыркнула Ветка. – Убить себя! Чушь какая! Я одно сплошное жизнелюбие!

– Я видел... Поверьте, друзья мои, я знаю, чувствую такие вещи, – заверил режиссёр. – И ты, и Мыш, вы были на краю... Ещё чуть-чуть – и пропасть. Вы оказались в театре, когда уже падали.

– Нет, нет и нет, – заявила Ветка. – Я бы никогда не смогла наложить на себя руки.

– А я смог бы, – поколебавшись, сказал Мыш, стоя прямо и напряжённо, как часовой на Красной площади. – Я ведь, когда мы встретились, и вправду был на грани. Может, приди Альберт чуть позже, я действительно бросился бы в реку.

– Я сразу заметил, что жизнь твоя, что называется, висит на волоске и любое движение может его оборвать.

Он обвёл глазами детей.

– Дело в том, что только человек, побывавший на грани жизни и смерти, может уйти за сцену.

– Ах вот в чём дело. Ну, тут да, согласна. Мне случалось попадать в передрыги, – согласилась Ветка. – Только, знаешь, это очень жестоко, что для театра подходят только такие, как мы...

– Ничего не поделаешь... – развёл руками Альберт. – «Этот мир придуман не нами...»

Он достал из кармана пиджака фляжечку, но передумал и спрятал обратно.

– Почему ты сразу не сказал, что мы должны отправиться вслед за Гномом, когда он зовёт нас за сцену? – хмурясь, спросил Мыш. – Избавил бы всех нас от тех шести провальных спектаклей.

– Видишь ли, идти или не идти в Засценье – это одно из тех решений, которые человек принимает один раз в жизни, и очень важно, чтобы он принял его самостоятельно и без подсказок.

– Ну, хоть намекнуть-то ты мог!

– Нет, не мог. Нельзя.

– Кстати, а что ты видишь, когда мы уходим в Засценье?

– Да ничего. Вы исчезаете на какое-то мгновение, почти неуловимое для глаз, а потом появляетесь снова.

Ветка подскочила к нему, взяла за руку.

– Пойдём с нами в следующий раз? Ну, пожалуйста.

– Нет.

– Почему? – заканючила она.

Альберт посмотрел на детей с усталой отрешённостью, которой прежде они за ним не замечали, и сухо ответил:

– Во-первых, мне по пьесе не полагается быть с вами в это время. И во-вторых, пусть бы даже я и захотел пойти, у меня всё равно ничего не получится. Я просто уткнусь в стену, и всё. За сцену могут ходить только такие, как вы, – в голосе его слышалось сожаление. – Не зря же я искал вас.

Альберт махнул рукой и приложился-таки к фляжке.

– За вас, друзья мои! Я очень рад, что у вас получилось, – сказал он, однако прозвучали эти слова тускло и не очень-то искренне.

Крыша и мечты о самоваре

Едва ли не с первого дня, как дети начали изучать лабиринты театра, ими владело желание отыскать путь на крышу. Но делом это оказалось отнюдь не лёгким. И даже Альберт ничем не смог им помочь.

– Друзья мои, если бы я хоть что-то понимал в этом сумасшедшем доме! – всплеснул он рукавами тортиллового плаща.

Он опять был изрядно нетрезв. После того как дети побывали за сценой, пить он стал чаще и больше. И к тому же в его отношении к своей маленькой труппе неожиданно появилась некая холодность и отстранённость. Он больше не орал на них во время репетиций, когда они фальшивили, не кричал «браво!» и не обнимал, когда оказывался доволен их игрой или внезапной импровизацией. А вскоре репетиции и совсем прекратились.

– Вы уже сами всё умеете, – объяснил свою позицию Альберт. – Мне больше нечему вас учить.

Отношения установились очень ровные и прохладные, как у посторонних, не зависящих друг от друга людей. Режиссёр закрылся, словно пытаясь что-то утаить от детей, какое-то новое, не очень хорошее, чувство.

– Раньше мне казалось, я наизусть знаю здесь каждый закоулок, – продолжал Альберт. – В детстве я излазил театр вдоль и поперёк, а недавно решил найти комнату со старыми газетами и не смог. Пишу монографию о Чехове, хотел уточнить детали первой постановки «Иванова». И вот, представляете, до сих пор не могу вспомнить, где она, эта комната. Чёрт её маму знает. Иногда мне кажется, что здание за эти годы поменяло архитектуру. А про ход на крышу... Нет, про него и подавно не помню. Извините.

И он, громыхая растоптанными башмаками, отправился домой.

– Как думаешь, это правда? – спросила Ветка у Мыша, когда они остались одни.

– Что правда? Что здание в центре Москвы может поменять свою архитектуру? – Мыш скривил губы. – Ну, учитывая, как Альберт пьёт...

– Да брось ты! Недавно на наших глазах исчезла целая кирпичная стена. Заметь, крепкая и основательная такая стеночка. Стоит ли после этого вообще чему-то удивляться?

– В любом случае насчёт сумасшедшего дома Альберт хорошо сказал, – примирительно заметил Мыш. – Иногда на меня нападает страх, что всё, происходящее с нами, – просто галлюцинация, которая однажды кончится.

Дети перепробовали сотни ключей и открыли с десятков дверей, прежде чем нашли ход на крышу. Последняя дверь, сквозь замочную скважину которой тянуло свежим воздухом, перемешанным с шумом ночной Москвы, выпустила их на покату гулкую жёсть, по которой мелкой дробью стучал дождь.

Дети вдохнули запах осени: засыпающих деревьев, умирающих листьев и реки, готовой принять лёд.

Где-то рядом маячила тень зимы...

Надстройка, образующая выход на крышу, имела довольно длинный козырёк, защищавший порог от дождя и снега.

– Здесь можно пить чай, – сказала Ветка. – И мы будем пить здесь чай.

Она ушла, вернулась с горячим чайником, закутанным для тепла в свитер, и они долго сидели, глядя на город, который никогда не спит.

По набережной с визгом циркулярной пилы проносились мотоциклы, тяжело и уверенно, как жуки-носороги, двигались джипы, сновали мелкими насекомыми дамские автомобилички. Вздрагивая мигалками и сиренами, проезжали автомобили полиции и «Скорой помощи», оставляя после себя тревожное чувство беды.

Плыла бесконечной змеей Москва-река. Шедший от неё влажный, вёрткий ветерок пробирал до костей. Дети кутались в один на двоих плед, пили чай, и холод отступал.

– Хорошо бы завести самовар, – сказала Ветка. – Жаль, что Альберт не платит нам денег.

– Откуда ему их взять? Он нищ как ворон. К тому же у него ещё и мама болеет.

– Тогда, может быть, однажды нам повезёт и мы найдём на улице кошелек, в котором хватит денег на самовар?...

По реке, тихо и уверенно, как надвигающаяся зима, шёл тёмный сухогруз.

– Без самовара никак... – сказала Ветка.

Изнурия себя, проехал велосипедист. Стеная на всю округу музыкой через открытые окна, проехала приземистая бесцветная машина. Тявкнула собачка, донёсся хлопок автомобильной двери, пискнула дважды сигнализация. На реку села пара уток.

– Интересно, в Москве можно найти можжевельник? – спросила девочка.

– Зачем тебе?

– Обязательно нужен. Чтобы дым самовара пах можжевельником. Как в «Ёжике и Медвежонке».

– Да, Москве очень не хватает можжевельного дыма, – подумав, согласился Мыш. – Когда я вырасту, у нас будет столько можжевельного дыма, сколько мы захотим.

– Интровертище, да ты, оказывается, романтик! – толкнула его плечом под пледом Ветка.

– Ещё какой. Но очень глубоко внутри. Очень.

Москва-река и москварики

За окнами рыба Москва-река.

Я – москварик, Ветка – москварика.

Лунные отсветы на чешуйках большой реки.

Москварики рады, смеются москварики.

Падают листья на камни и огоньки.

Засыпает Москва-река, но не москварики.

Лёд стянул гранит рёбер реки.

Спокойной ночи, мама. Москварики играют в снежки.

Завтра будет весна, весёлые настанут деньки.

Место москвариков здесь, у Москвы-реки.

За сценой. Сгоревшее село

Гном уколол им пальцы шипом, произнёс «удачи!», и перед детьми раскинулась степь – разнотравье, жёлто-зелёное море, по которому ветер гнал широкие волны.

Идти было легко, травы стелились под ногами, мягкие, как шерсть огромного зверя. Запахи, сухие и сильные, кружили головы, от треска кузнечиков звенело в ушах.

Большая белая птица пролетела над ними.

Ворон, указывая направление, летел медленно и низко, и дети двинулись за ним.

Они красиво смотрелись с высоты: белая птица и двое детей посреди огромной, как океан, степи.

Гряды травяных волн, поднимаемые ветром, перекашивались через пространство.

Птица привела их к остывающему пожарищу. Под безоблачным, спокойным, как синий плат, небом догорали, исходя едким дымом, избы безвестного сельца. Земля вокруг была избита воронками разорвавшихся снарядов.

Что это было за село? Какого века? Какого народа? Кто сжёг его и зачем?

Дети шли меж обугленных брёвен, покрывшихся глубокой чёрной корой.

Наверное, где-то тут же, в завалах, лежали и останки людей, но огонь вычернил и их, сделав неотличимыми от сгоревшего дерева и так спрятав от глаз детей.

Ворон летел медленно, еле поднимая крылья, поддерживаемый потоками горячего воздуха, поднимающегося от пожарища.

Мыш шёл и каждую секунду боялся, что он, или, хуже того, Ветка, увидит мёртвого человека.

Ветка вскрикнула жалобно и протяжно. Мыш повернулся к ней, уверенный, что его опасения оправдались, но нет, Ветка стояла, подняв ногу, и из подошвы её башмачка торчал гвоздь с куском сгоревшей доски.

Мальчик вытащил гвоздь, снял башмак, кровь со ступни девочки закапала на чёрное дерево и лёгкий прах золы.

Мыш аккуратно очистил ранку, высосал черноту, то и дело сплёвывая красную слюну.

– Больно? Больно? – спрашивал он девочку в перерывах.

– Нет-нет, – морщась, отвечала она, стоя на одной ноге и держась за его плечо. – Даже приятно. Мне ещё никто и никогда не целовал пятки.

Мыш вздохнул, продолжая работать.

– Сплёвывай лучше. Во мне знаешь сколько яда...

– Ничего, в малых дозах даже яд кобры полезен.

Ветка тронула его волосы.

– Мыш, ты святой.

Ворон кружил над ними всё такой же спокойный и медлительный.

Мальчик надел на ступню Ветки башмак, и взгляд его зацепился за обгорелую доску с гвоздём, на которую пролилась кровь девочки. Гарь меняла цвет, светлела и на глазах снова становилась деревом.

Время словно бы повернуло вспять.

Через полчаса, когда дети оставили пожарище далеко позади, они оглянулись и увидели стоящую посреди гари совершенно целую избу и стены других домов, на глазах вырастающие вокруг неё.

...В театре они швыряли в зрительный зал пригоршни пепла, и дующий из-за сцены ветер нёс его в лица зрителям, набивался в карманы, путался в волосах, скапливался в уголках глаз, вызывая внезапные непрошенные слёзы.

«Дети – жертвы пороков взрослых»

Они много гуляли по Москве. Альберт не возражал и даже поддерживал:
– Конечно, не стоит целыми днями сидеть в пыльных стенах. Дети – существа вольные, так наслаждайтесь. Как там было у Хлебникова...

Двинемся, дружные, к песням!
Все за свободой – вперёд!
Станем землёю – воскреснем,
Каждый потом оживёт!

Двинемся в путь очарованный,
Гулким внимая шагам.
Если же боги закованы,
Волю дадим и богам!

И дети, вволю нагулявшись по коридорам театра, отправились исследовать Москву и её окрестности. Ездили на Воробьёвы горы, в парк Горького, выбирались в Кусково, Царицыно, доехали до Архангельского. Катались в Переделкино на могилу Пастернака, отметились на стене подъезда булгаковской «нехорошей квартиры». Побывали в домах-музеях Брюсова, Пушкина, Цветаевой. Там, впрочем, не особо понравилось – скучно.

Как-то само собой придумалось развлечение – разыгрывать сцены из пьес в самых неподходящих для этого местах: в метро, посреди ГУМа, на Красной площади, в автобусе... Играли «Обыкновенное чудо», «Пигмалиона», «Кошку на раскалённой крыше». Но больше всего, что неудивительно, полюбили «Ромео и Джульетту».

Обычно это бывало так. Повинуясь некоему внезапному импульсу, они останавливались, допустим, посреди станции метро в час пик и в полный голос, не обращая внимания на идущие мимо толпы, принимались декламировать:

...Там брезжит свет. Джульетта, ты, как день!
Стань у окна. Убей луну соседством.
Она и так от зависти больна,
Что ты её затмила белизною... —

взывал Мыш.

...Ромео, как мне жаль, что ты Ромео!
Отринь отца, да имя измени... —

отвечала Ветка.

Некоторые прохожие шарахались от странных детей, декламирующих Шекспира, кто-то проходил мимо, делая вид, будто ничего не видит. Но чаще встречались такие, кто с одобрением выставлял вверх большой палец, а отдельные даже, не стесняясь, аплодировали и уважительно прикладывали руку к груди.

Гудело перегруженное людьми метро. Шаркали по граниту бесчисленные подошвы, ревели поезда, вырываясь из тоннелей и давя все звуки. Но дети не умолкали, таковы были правила игры – ничто не может остановить спектакль.

...А если нет, меня женою сделай,
Чтоб Капулетти больше мне не быть... —

просила Ветка-Джульетта, сиюсь прорваться сквозь рёв моторов и стук колёс.

...О, по рукам! Теперь я твой избранник.
Я новое крещение приму,
Чтоб только называться по-другому... —

отвечал Мыш-Ромео в наступившем спокойствии в преддверии прибытия нового состава.

...Десятка слов не сказано у нас,
А как уже знаком мне этот голос!
Ты не Ромео? Не Монтекки ты?... —

голосом, наполненным затаённым счастьем, громко, на весь зал, говорила Ветка.

...Моё лицо спасает темнота,
А то б я, знаешь, со стыда сгорела,
Что ты узнал так много обо мне...

На станцию, заглушая все звуки, снова врывается поезд...

Они часто гуляли в окрестностях Кремля. Ведь всё-таки как ни посмотри, а именно Кремль – сердце Москвы, центр её истории и силы. Вокруг каждой башни, каждого зубца на крепостной стене обвивается целый кокон энергий, оставивших след в истории России и всего мира.

Как-то они блуждали в Репинском сквере рядом с Болотной площадью, и их занесло к памятнику «Дети – жертвы пороков взрослых». Тринадцать демонов-пороков, уродливых чёрно-зелёных фигур, перед которыми замерли с завязанными глазами мальчик и девочка золотистого цвета: «Наркомания» и «Война» с крыльями-косами за плечами, «Нищета» с клюкой и в обносках, «Проституция», растянувшая в улыбке лягушачьи губы, «Невежество» с ослиной головой и погремушкой в руке, «Равнодушие» с закрытыми глазами и четырьмя руками, «Садизм» – вставший на задние лапы носорог...

– Красавцы какие, – заметила Ветка, подбрасывая в руке снежок, слепленный из первого снега, которому, как известно, долго не лежать.

Она приняла позу, в которой стоял Садизм, лёгкая фигурка её налилась тяжестью, девочка склонила голову и, раскинув руки, двинулась на Мыша. Веки девочки набрякли, она глядела исподлобья, с мрачной полуулыбкой, снег скрипел под ногами. Преображение вышло столь полным и неожиданным, что Мыш на секунду оторопел. Ветка подошла вплотную, обхватила его и засмеялась.

– Круто? Умею, а?

– Да вообще, молодец. У меня даже внутри ёкнуло, – признался Мыш, чувствуя облегчение.

Поскольку со стороны Ветки это был своеобразный актёрский вызов, на него пришлось отвечать.

Мальчик изобразил Наркоманию – худощавую мужскую фигуру со шприцом в одной руке и крохотной бутылочкой – в другой. Изогнулся в полупоклоне, подался вперёд, предлагая свои

дары. Образ дался неожиданно легко, мальчик словно надел отлично подходящий ему костюм. Ему показалось, что пальцы его удлинлись, а кожа на лице натянулась, как у стоящей перед ним фигуры. Даже под лопатками будто бы шевельнулись невидимые острые косы. Он сделал несколько шагов к девочке, остановился.

– Девочка, хочешь попасть в Нарнию? – сказал мягким располагающим голосом.

– Ты что, специально репетировал? – удивилась Ветка. – Такое сходство...

– Случайно вышло, – отшутился Мышь.

Ему и самому было немного не по себе от того, с какой лёгкостью он вжился в эту короткую роль.

Ветка обежала глазами фигуры монстров, выпучила глаза, надула губы и чуть квакающим голосом издала несколько красивых мелодичных звуков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.